

18+

Дж. Лоннер

Тайная сила, или Король воров

Серия «Мир
детектива:
бессмертные
персонажи»

Ж. Тоннер
Тайная сила, или Король
воров. Серия «Мир детектива:
бессмертные персонажи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70795975

ISBN 9785005989499

Аннотация

Самородок, «гений из подворотни», печально известный разбойник Картуш ухитрился сделать то, что не могли его коллеги по ремеслу толково сделать ни до него, ни после. Криминальный роман Ж. Тоннера, посвящен описанию приключений легендарного французского разбойника.

Содержание

СЕРИЯ «МИР ДЕТЕКТИВА: БЕССМЕРТНЫЕ ПЕРСОНАЖИ»	5
СЕРИЯ «МИР ДЕТЕКТИВА»	6
Тайна сила или король воров	8
Завтрак первого министра	8
Два аббата	21
Господин ле Борньо	37
Дом на набережной Театен	59
Маленькая торговка и маленький мельник	78
В лесу Роменвиль	98
Конец ознакомительного фрагмента.	104

**Тайная сила, или
Король воров
Серия «Мир детектива:
бессмертные персонажи»
Ж. Тоннер**

А. Владимирович *Переводчик*

© Ж. Тоннер, 2024

© А. Владимирович, перевод, 2024

ISBN 978-5-0059-8949-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЕРИЯ «МИР ДЕТЕКТИВА: БЕССМЕРТНЫЕ ПЕРСОНАЖИ»

Вышли

Детектив на сцене. Пьесы о Шерлоке Холмсе
фон Перфаль А. Месть десперадо. Эпизод из жизни
Хоакино Мурьеты
Матулл К., Бланк М. Путешествия Шерлока Холмса

Готовятся

дю Террайль П. Фрипуй Младший: Новый Рокамболь
Лермина Ж. Сын графа Монте-Кристо
Вудхауз П. Шерлок Холмс

СЕРИЯ «МИР ДЕТЕКТИВА»

Хьюм Ф. Человек в рыжем парике

Смолл О. Дж. Образцовая загадка

Фримен Р. Остин. Тайна Анджелины Фруд

Хрущов-Сокольников Г. Джек – таинственный убийца:
большой роман из англо-русской жизни

Мейсон А. Э. В. Дело в отеле «Семирамида».

Бегущая вода

Александров В. Медуза

Панов С. Убийство в деревне Медведице. Полное
собрание сочинений С. Панова

Мейсон А. Э. В. Страшнее тигра

Мейсон А. Э. В. Часы и дилеммы

Мари Ж. Ошибка доктора Маделора

Гейнце Н. Под гипнозом: уголовный роман
из петербургской жизни, или приключения сыщика

Перелётова

Лабурье Т. Черная банда

Ракшанин Н. Тайна Кузнецкого Моста

Бело А. Королева красоты

Хрущов-Сокольников Г. Рубцов

Макнейл Г. С. Черная банда. Второе приключение

Бульдога Драммонда

Зарин А. Змея

Чесни У. Таинственный изумруд

Пономарев И. Василий Кобылин: трилогия

Русский Лекок: агент сыскной полиции

Преступная мать

Под давлением судьбы

Цеханович А. Темный Петербург

Тайна сила или король воров

Завтрак первого министра

Это было 20 сентября 1719 года. Пробило одиннадцать часов. Уже четыре часа аббат Дюбуа, первый министр его королевского высочества, герцога Филиппа Орлеанского, регента Франции, находился в своем рабочем кабинете, отмечая и перелистывая разные деловые бумаги.

В 1719 году ему было шестьдесят три года, его здоровье надломилось и пошатнулось, но аббат Дюбуа был слишком честолюбив, чтобы остановиться.

Как первый министр, он получает в год «полтораста тысяч ливров». Еще «сто двадцать тысяч», как архиепископ Камбре. Ему принадлежал доход от семи аббатств – Ножан-су-Куси, Сен-Жюст, Эрво, Бургей, Бер-Сен-Винон, Сен-Бертен, Серком, что приносило ему каждый год «двести четыре тысячи франков».

Кроме того, у него был разный доход в «сто тысяч ливров». Наконец, пансион, назначенный ему Англией в награду за разные добрые услуги, интересов Франции тут и помине не было. Этот пансион ежегодно состоял из «сорока тысяч фунтов стерлингов».

Хорошенький доход для одинокого человека!

Но аббат был им недоволен и надеялся его увеличить, сделавшись кардиналом.

Быть кардиналом – была мечта аббата Дюбуа, на осуществление которой он надеялся, благодаря покровительству регента и милостивой снисходительности Рима.

Но чтобы заставить действовать герцога Орлеанского и папу Иннокентия XIII, нельзя было почивать... не на лаврах, а на своих экю.

А Дюбуа и не почивал!..

Вот почему, 20 сентября 1719 года, мы застали его в кабинете за работой с семи часов утра. Он был в халате и туфлях.

Регент поселил Дюбуа в Пале-Рояль.

Он был поглощен чтением очень важной бумаги, когда в одну из дверей вошла пожилая женщина в деревенском костюме, неся на тарелке фаянсовую миску, с чем-то горячим.

Эта пожилая крестьянка была Фарета Жено, служанка... поверенная Дюбуа. Она так же, как и он, происходила из Лимузен, так же, как и он родилась на берегах Коррез в Бривля-Гайярде; почти тридцать лет, с того дня, как его положение позволило ему взять служанку, Фарета была в услужении у аббата.

Теперь у него были и лакеи!.. и кучера, повара, конюхи и курьеры. Его состояние позволяло ему иметь эту роскошь.

Но все лакеи не могли ему заменить Фареты. Все должны были всегда заискивать и угождать Фарете, чтоб удержаться на своем месте.

Что же связывало Дюбуа с этой женщиной?

Клеветники видели в ней старый грешок прелата.

Может быть клеветники были правы. Во всяком случае, если мы допустим, что между ними и была когда-нибудь связь, то в минуту нашего рассказа Фарета была уже не так свежа, и нельзя было допустить и даже подумать, что эта связь еще продолжалась.

Верно то, что с давних пор Фарета Жено чувствовала к аббату Дюбуа искреннюю привязанность и что одинаково, со своей стороны, аббат Дюбуа был очень привязан к Фарете Жено. Любил же он кого на свете, хоть немного!.. Он слишком презирал все общество вообще, чтобы любить кого в особенности – только эта служанка – крестьянка, которая когда-то улыбаясь подставляла свои губы его поцелуям, было единственное существо, которое будет плакать и молиться о нем, когда он, проклиная, испустит свой последний вздох.

Это «что-то горячее», что Фарета принесла и поставила перед аббатом, был суп...

Неожиданно, вынужденный прервать чтение, с появлением супа, Дюбуа подскочил от удивления и гнева.

– А?.. Что это такое?.. – вскричал он.

– Что? «Что это такое?..» – возразила Фарета, не теряясь от нелюбезного приема господина. – Одиннадцать часов, я вам принесла завтрак, потому что, по вашей похвальной привычке, когда вы уткнете нос в бумаги, вы совсем забываете о еде!..

Аббат покосился на приготовленный для него суп.

– Завтрак!.. Завтрак!.. – возразил он. – Ты уже заставила меня сегодня утром съесть молочный суп... Теперь...

– Теперь я заставлю вас съесть суп из корнейев... А потом...

– Я осужден на вечные супы!..

– Господи!.. Да было бы из-за чего сердиться!.. Не моя вина, что у вас такой желудок. Доктор велел давать вам по утрам только освежающую пищу. И я слушаюсь доктора!.. Ну, кушайте суп, пока он не остыл. Нечего капризничать!.. Хороший суп из корнейев... Я ручаюсь, что даже нашему маленькому королю не подадут лучшего!

Он не мог устоять против подобных уговоров. Дюбуа был уверен, что пока он не съест супа, Фарета не двинется с места.

Едва он съел дюжину ложек, как дверь, на противоположной стене, через которую вошла Фарета, открылась, и в кабинете появился человек лет сорока пяти небольшого роста, полный, смуглый, с черными волосами и пунцовыми губами.

– О-о! Дюбуа завтракает!.. Это хорошо слышно издалека, даже не видя, черт возьми... – вскричал он смеясь.

– Это доказывает, что вы дышите через нос... – сказала Фарета.

Дюбуа опустил ложку и хотел встать.

– Сиди! Сиди! – возразил герцог Орлеанский.

Это именно ему и дерзила служанка первого министра

на насмешливое замечание. Привыкнув уже за несколько лет ежедневно видеть принца и постоянно быть предметом его более или менее тонких шуток, Фарета научилась с ним обращаться с совершенной фамильярностью, которую он поощрял, и которая его забавляла.

Внук Генриха IV легко сносил выходки Фареты, доходившие до дерзости. Кто не уважает себя сам, не заботится об уважении к себе других!

– Сиди! Сиди! – возразил регент, удерживая аббата в кресле и насмешливо кланяясь служанке. – Я не хочу нарушать твой обед, аббат. Ради Бога, Фарета, не сердись, мне кажется, ты переложила луку в супе!

– В супе не лук, а порей, – дерзко возразила Фарета.

– Пусть будет так! Но порей немного сродни луку, ты это знаешь, моя милая?

– Я не знаю родственники ли порей и лук, я вижу только то, что когда господин аббат утомился, работая на вас без отдыха, монсеньор, он имеет право поесть, потому что это нужно для его здоровья, не слушая ваших насмешек!

– Я ни над чем не смеюсь, Фарета! Я только подтверждаю, что у первого министра кухня аббата обладает запахом, больше напоминающим харчевню.

– А кухня харчевни намного лучше других, и я ручаюсь, что ваше высочество чувствовали бы себя гораздо лучше, если бы вместо того, чтобы сжигать себе внутренность разными пряностями, вы бы ели иногда за обедом или ужином жа-

реную говядину или кролика, как готовят в Куртиль и в Поршерои. Вы закончили с супом, господин аббат?

– Твой господин не доел суп, Фарета! Отругай и его!.. Он оставил два порея!

Не обращая внимания на последнюю выходку регента, старая служанка, взяв пустую миску, удалилась.

– Эй! Фарета! Фарета! – закричал герцог в то время, когда она взялась за ручку двери. – Ты забыла одну вещь, моя милая.

– Что такое?

– Запах... запах супа! Не можешь ли ты его прихватить с собой, сделай одолжение?

Фарета пожала плечами.

– Откройте окно, монсеньор, – сказала она, – запах супа испарится тотчас же с запахом мускуса, который вы принесли с собой, – это будет полезно для господина аббата!

– Да, да!.. Бедная Фарета!.. Рассердилась!..

– Вы довольны, монсеньор, вы вознаграждены. Я не думаю, чтобы вы оказали честь зайти ко мне только для того, чтобы посмеяться над моей служанкой, и потому я буду вам очень признателен, если вы мне скажете, что у вас есть... важного... сообщить мне.

Дюбуа говорил, устремив на стоявшего у камина регента взгляд, в котором сквозь напускную покорность виднелась ирония. Регент немного наморщил брови.

– Ты рожден быть школьным учителем, Дюбуа!.. – сказал

он, ты изменил своему призванию.

– Очень может быть, монсеньор, – холодно отвечал аббат. – Чтобы жить, мне нужно было быть школьным учителем, и я бы взялся за это дело с большим удовольствием!.. Только я бы выбирал учеников!

– Это значит, что ты бы меня не пустил в свой класс?

– Если бы я старался, чтоб они все не стали ужасными развратниками... конечно, да, монсеньор, я бы умолял вас не посещать мой класс!

– Дерзкий!.. Если я ужасный развратник, я этим обязан тебе, негодяй, ты забыл это?.. Ты первый поощрял и развивал мои дурные наклонности!

Но аббат оставался необыкновенно хладнокровным.

– На земле возделывают только то, что она способна произвести, – возразил он. – В вашей юной душе, ваше высочество, были посеяны только семена порока... Поэтому я считаю лишним пытаться прорастить в ней разные добродетели!

– Тем более, что ты надеялся выиграть больше, служа порочному, чем добродетельному господину, не правда ли?

– Ваше высочество, были богато одарены совершенно другими наклонностями... чем те, которые вы выказали в детстве... но я всегда для вашей пользы... и для своей... служил бы вам с одинаковым самоотвержением!

– Да! Да!.. чтобы достигнуть... того, чего ты хотел достичь, чего ты достиг... ты бы обрек себя самого быть, по крайней мере, внешне мудрым и добродетельным!.. При-

знайся, что ты бы предпочел, чтоб я тебя не стеснял примером, негодяй?

Дюбуа вздохнул.

— Увы, монсеньор! — возразил он. — Если я был... негодяем... в том смысле, в каком вы мне приписываете, уже прошло столько лет, как я перестал им быть... и не могу быть им... я вам подтверждаю, что приятные воспоминания, которые я сохранил от удовольствий, испытанных вместе с вами в известных местах, не заставили бы ни на минуту колебаться от горечи сожаления, которое я испытываю сейчас из-за невозможности следовать за вами!

— Это правда? Ты теперь осужден есть суп из корней, бедный аббат.

— А вы, монсеньор, продолжаете есть трюфели!.. Хотя, суп из корней не мешает мне хорошо управлять делами вашего высочества!.. И целой страны!.. Маленький человек скверно живет, но он еще жив. Что же вы не садитесь, монсеньор? Сегодня утром я получил депешу из Испании от маршала де Бервика, он завладел Фонтаробией, Сен-Себастьяном и частью Каталонии!.. Мы научим короля Филиппа V и его дорогого министра господина кардинала Альберони не сеять вокруг нас раздор вместе с герцогом и герцогиней де Менен, чтобы свергнуть нашу власть! Вы знаете, я подозреваю, что иезуиты принимали участие в намерениях Селя-Мора?.. У меня нет доказательств... Добрые отцы очень хитры... Они замолкли, как только замысел был открыт, и даже осте-

регаются корреспонденции, боясь, что их письма будут распечатывать! Но все-таки нашлись в бумагах одного адвоката, Боржетона, которого я на прошлой неделе отослал в Бастилию, заметки, которые могут служить доказательством... Кажется, вы меня не слушаете, монсеньор?..

И в самом деле, пока Дюбуа говорил, регент взял шляпу, подошел к окну и начал барабанить по стеклу, рассеянно поглядывая на улицу.

Он повернулся в ответ на словах аббата и сказал, улыбаясь:

– Верно, сегодня не могу думать о делах!

– Ну!.. Сегодня... как и вчера... как всегда!.. Когда с вами говорят о серьёзных делах, вы думаете совершенно о другом!

– А разве недостаточно того, что «ты» будешь заниматься серьезными делами? Я думал, что мне пора идти в банк, где у меня назначено свидание с Лясом.

– Да, да!.. Чтоб попросить у него еще денег?

– Я столько трачу!.. Когда мой кошелек пуст, надо же его пополнить. Потом у меня сегодня личный ужин и мне нужно видеть Ля Фора, который обещал к сегодняшнему ужину для нашего развлечения привести цыган... самых лучших фокусников, как он уверял.

Дюбуа насмешливо покачал головой.

– Я согласен, что подобные занятия, ваше высочество сильно отвлекают от забот об успехе французской армии в Испании! – сказал он. – Ступайте, просите денег у Ля-

са, монсеньор, и пускай цыгане этой ночью превзойдут себя, чтобы очаровать вас и ваших гостей!.. Я вам советую даже попросить показать вам дьявола, говорят колдуны с ним в дружеских отношениях!..

Улыбка, игравшая на губах герцога Орлеанского, вдруг исчезла. Странно! Человек, не веривший в Бога, верил в Дьявола!.. И верил так сильно, что ему тяжело было об этом говорить. Отвергая возможность рая для добрых, он верил в ад для злых.

– Мне часто за твоей внешностью скрывается гений зла, и я не желаю его видеть под каким-либо другим обличьем, – сухо сказал он.

– Гм, – возразил Дюбуа. – Гений зла в моей внешности!.. Хорошо сказано, остро, но все-таки не совсем верно! Я знаю, вы убеждены, монсеньор, что если бы мой гений перестал вам служить, ваш часто находился в затруднении! Короче...

– Прощай, я видел, как ты ел суп из кореньев... Этого удовольствия довольно для одного раза! До свидания, аббат!

– Честь имею кланяться, ваше высочество.

Дюбуа встал.

– Монсеньор, еще одно дело, прошу вас! – вскричал аббат, вдруг вспомнив о чем-то.

– Что такое? – сказал, повернувшись Филипп Орлеанский.

– Что мы будем делать с графом де Горном? Ваше высочество, вы приняли какое-нибудь решение относительно этого

господина? Бросить его в подземелье или ограничиться тем, что под хорошим конвоем отошлем в его пасмурное отечество.

Герцог видимо побледнел, услышав имя графа де Горна. Это имя вызывало у него неприятные воспоминания. Он несколько минут стоял задумчиво и неподвижно, и уже открыл было рот, чтобы ответить аббату, но вдруг остановился и сказал отрывисто:

– Нет, я ничего еще не решил! Ты невыносим Дюбуа: я в хорошем настроении, а ты мне говоришь о людях, которых я ненавижу!..

– Но...

– Мы поговорим о графе де Горне завтра или послезавтра!.. Это терпит!.. Прощай.

И герцог быстро вышел.

– Терпит, неспешно!.. – ворчал Дюбуа, вернувшись к столу. – Это рассуждение сумасшедшего, который считает унижительным для себя наказать оскорбление, потому что в его жилах есть кровь Беарне!.. Я вот не происхожу от Генриха IV... ни даже от одного из его побочных детей! Один Бог знает, сколько их насеял великий король!.. Поэтому я могу мстить, тем, кто меня оскорбил!.. А так как герцог Орлеанский не хочет проучить графа де Горна, то я его проучу и жестоко проучу, или я буду дураком!.. Что? Кто там? Войдите.

В это время слышались три стука в дверь, выходившую в комнату секретаря министра, дю Кудрея.

Получив позволение, вошел секретарь, согнувшись в почтительном поклоне.

– Что вам нужно, дю Кудрей?

Вместо ответа, секретарь подал министру незапечатанное письмо, содержащее следующее:

Гильом Дюбуа не мог скрыть гримасы, читая эти строки. Впрочем гримаса была очень красноречива для господина дю Кудрея.

– Ваше преосвященство, не желает принять господин аббата Морина? – сказал дю Кудрей.

– Нет, – отвечал Дюбуа. – У меня нет времени для приема сегодня... Мой брат обезумел, представляя человека, которого я не знаю! «Господин аббат Морин, достойный человек просит тебя уделить ему десять минут».. Может быть, просит о чем-нибудь!.. Клянусь! Если бы я всех слушал, то каждый день терял три или четыре часа на подобные десятиминутная аудиенции!.. Скажите аббату Морину, чтоб он приходил на следующей неделе... В следующем месяце... Слышите, дю Кудрей?

Секретарь поклонился и пошел в свой кабинет:

– Да, – сказал он, – я забыл сообщить вашему преосвященству, что ваш секретный агент... ле Борньо...

– Здесь?

– Да, ваше преосвященство... Перед приходом аббата Морина, я был извещен, что пришел ле Борньо...

– Хорошо! Пусть подождет! Я сейчас его приму. И... Да

слушайте же, дю Кудрей!.. Послушайте меня!

Вглядываясь в письмо, которое он все еще держал в руках, Дюбуа остановил снова уходившего дю Кудрея.

– Я передумал. Мой брат не злоупотребляет рекомендациями, напротив, он очень осторожен. Поэтому, хотя мне и неприятно, но я не хочу оскорбить его и приму его протесте. Попросите войти аббата Морина.

Секретарь снова безмолвно поклонился.

Через несколько минут он громко доложил:

– Господин аббат Морин.

«Дорогой Гильом,

Я тебе несколько раз говорил о достойном человеке, аббате Морине, который просит тебя уделить ему десять минут, чем ты осчастливишь аббата Морина и твоего преданного брата

Венсена Дюбуа».

Два аббата

Два аббата совершенно не были похожи друг на друга ни нравственно, ни физически.

Один из них, – аббат Дюбуа, по описанию Сен-Симона, – «маленький, худой, желтый, тонкий, невзрачный, в белокуром парике и с хитрой физиономией»... ¹

Другой, – аббат Морин – высокий, плотный, свежий, с черными волосами, в которых серебрилась седина, с живым взглядом на открытом лице.

Аббат Морин, в лиловом платье, как тогда было положено одеваться белому духовенству, держа в правой руке шляпу, а в левой плоский картон, связанный веревками, вышел на середину кабинета, кланяясь аббату Дюбуа, который, не вставая, повернулся и очутился лицом к лицу со своим посетителем.

Каково было впечатление последнего при виде этого могущественного человека, первого министра, хитрого и ловкого дипломата, скрывающегося под такой скромной внешностью? Аббат Морин не показал. На его лице не появилось удивления, которое он мог и даже должен был почувствовать при виде великого человека под ничтожной оболочкой.

Напротив, Дюбуа, смерив аббата Морина с ног до головы,

¹ Анри Сен-Симон (Henri Saint-Simon) – французский философ, социолог, известный социальный реформатор, основатель школы утопического социализма.

милостиво расхохотался.

– Чёрт меня побери! – вскричал он. Это было любимое восклицание аббата Дюбуа, и он сдерживался только при регенте, очень боявшемся сатаны. – Чёрт меня побери! Господин аббат, жаль, что вы не носите военного мундира!.. Вы были бы прекрасным драгуном!.. Какая грудь, какие руки, какие ноги!.. Почему, при вашем сложении, вы посвятили себя служению церкви, а не королю?

Аббат Морин улыбнулся.

– Ваше преосвященство задает мне вопросы, на которые можно слишком долго и подробно отвечать, но чтобы не злоупотреблять вашим временем, я прошу позволения не делать этого.

– Понимаю. Вы боитесь скомпрометировать себя, и поэтому, когда вас просят говорить, вы молчите.

– Слово серебро, молчание золото, – сказал один арабский поэт.²

– Наконец, да или нет, мне бы хотелось знать ваше мнение по поводу этого предмета, – находите вы дурным, что Франция ведет теперь войну с Испанией, король которой намеревался свергнуть его величество Людовика XV с трона, чтобы самому сесть на его место... Вы находите дурным, что мы хотим наказать Филиппа V?

Аббат Морин грустно улыбнулся...

² Существует много похожих по смыслу пословиц, но в этой форме данная пословица возникла в арабской культуре в IX веке.

– Нет, – возразил он, – строгое наказание, которое наше армия возложила на Филиппа V, мне не может не нравиться. Этот честолюбивый монарх получит только заслуженное наказание, когда уничтожат его гордость.

– Интерес этих двух людей – интерес двух стран! Нельзя же было подданным короля Франции перейти под покровительство чужого короля. А следовательно, если они считают войну, которую мы объявили Испании, справедливой, то, с своей стороны, из любви к своему королю, из уважения к его славе и не думая об его интригах, подданные Филиппа V должны стараться, чтобы нашествие на их страну было отражено. Испанские солдаты должны честно защищаться против французских!

Аббат Морин нагнул голову.

– Я никогда не сомневался в храбрости солдат, к какой бы нации они не принадлежали, – сказал он. – Испанцы или французы, для меня все равно, выкажут храбрость в этой войне.

– Они только исполняют свой долг.

– И они исполняют только свой долг, я согласен, ваше преосвященство.

Аббат Морин замолчал. Дюбуа, прикусив губы, молча смотрел на него:

– Я вижу, вы философ, господин аббат, – сказал он, наконец.

– Я филантроп, и не более, ваше преосвященство, – воз-

разил аббат Морин, со своей доброй улыбкой.

– Вы любите человечество?

– Всей душой!

– Все человечество!?

– Все, без исключения!

– Если бы оно нуждалось в вашей помощи, вам было бы все равно, что человек не одной с вами веры?

– Совершенно все равно, ваше преосвященство! Еврей, магометанин, или буддист... человек, призвавший меня, будет мне столько же дорог, как и христианин!.. Если бы у него даже не было никакой религии, это мне бы не помешало, прийти ему на помощь.

– Чтобы потом обратить его в вашу религию?

– Совсем нет! Это бы означало оплачивать мои благодеяния. Что я даю, я дарю... а не продаю!

– А вы много даете?

– Не столько, сколько бы желал. Но я не жалею. До сих пор Господь еще не допустил меня отказать ни разу.

– Господь! – повторил Дюбуа со странным выражением! – Так вы верите... вы верите, господин аббат, что Господь занимается... иногда... тем, что мы делаем на земле!

– Если бы он не занимался всегда, он не был бы Богом, ваше преосвященство, то есть бесконечной милостью.

– Гм!.. Бесконечная милость позволяет часто безнаказанно совершаться многим преступлениям!

– Безнаказанно... Кто же это докажет?.. Кто докажет, что

рано или поздно преступник не заплатит за содеянное им зло?

– Рано или поздно!.. Но некоторые воплотятся слишком поздно... Значит никогда!.. Хе-хе-хе!.. Вы, господин аббат, имеете хорошие средства, чтобы расточать такие благодеяния? Господь был добр в отношении вас и наградил вас каким-нибудь богатым наследством?

– Ошибаетесь, ваше преосвященство, мое наследство очень скромное – две тысячи четыреста ливров в год. Вы согласны, что с этими деньгами я не могу построить больницу. Но я благодаря работе пополнил свой скромный доход.

– Какой же это работой, скажите, пожалуйста?

– Я учитель французского, латинского и греческого языка, ваше преосвященство. Я также преподаю древнюю и новую историю, географию, естественную историю, химию.

– Хорошо, хорошо! Вы не довольствуетесь быть «достойным человеком», как мне пишет брат, вы даже ученый.

– Очень, скромный ученый!..

– Во всяком случае, работа так же, как и милосердие не повредила вам физически!.. Сколько вам лет, господин аббат?

– Пятьдесят шесть, ваше преосвященство.

– Пятьдесят шесть!.. Чёрт меня побери, вам можно дать не больше сорока!.. Я только на шесть лет старше вас, а кажусь вашим отцом! Вы скажете, что моя вина, что я так быстро состарился... а я вам отвечу, что не восхищаюсь тем, что

я скоро должен покинуть мир – я не заблуждаюсь!.. Мне немного остается!.. Я ничего не жалею!.. Ничего... Надо жить так, аббат, как вам говорят ваши инстинкты, ваши вкусы. Вы рождены, чтобы быть тем, что вы есть – добродетельным человеком!.. !.. Я явился на землю, чтобы быть... *rara avis* ³

– Великим министром!.. – любезно закончил аббат Морин.

Дюбуа иронически улыбнулся.

– Да! – возразил он. – Великим министром под именем и внешностью Дюбуа. Какую же признательность и уважение воздаст ему история... Я думаю, такую же сухую, как и мое бедное тело!.. Я смеюсь над этим!.. Сын провинциального аптекаря, я все-таки сделаюсь, прежде чем навеки засну, тем, кем я мечтал быть еще в детстве! Вы увидите, аббат, вы увидите, что несмотря на презрение, с которым относятся к некоторым моим, как все говорят, дерзким намерениям – они вынуждены будут их выполнить! Я болтаю, как сорока, хе-хе!.. Я не со всеми становлюсь сорокой... Если я с вами так болтаю, это значит, что вы мне нравитесь! Поговорим теперь о причине вашего посещения. Мой брат вас очень хвалит, он тоже славный человек, совершенная противоположность со мной! Хе-хе!.. простой не честолюбивый!

– Что же вам нужно, господин аббат?

– Я вам объясню в двух словах, ваше преосвященство.

³ редкая птица (лат.)

– Я слушаю.

– Я связан дружбой с прекрасным мальчиком, его зовут Жак Фойоль, который, я убежден, когда-нибудь станет великим художником. Хотя Жаку Фойолю двадцать три года, но он так же талантлив, как его учитель Клод Жилло.⁴

– Что же дальше?

– И вот о чем буду просить ваше преосвященство: его императорское высочество, регент, любит искусство, – все знают, что он сам иногда занимается живописью и музыкой, – ценит таланты и покровительствует им.

– Правда, это иногда с ним случается. Что же вы желаете?

– Я бы хотел, чтобы ваше преосвященство показали как-нибудь его императорскому высочеству... маленькую картинку, которую мой друг, Жак Фойоль, закончил на прошлой неделе и которую ваш брат и еще несколько человек очень хвалили.

Сказав это, аббат Морин поставил на стул картон, развязал веревки и осторожно вынув, поставил перед Дюбуа маленький пейзаж – вид Сен-Клу, на берегу Сены. Эта картинка была замечательным произведением по точности рисунка и по колориту.

Дюбуа, взглянув на нее, прошептал:

– Это очень хорошо!.. Очень хорошо!.. Знаете ли, я ничего не понимаю в живописи, – сказал он, повернувшись к аб-

⁴ Клод Жилло () – французский художник-декоратор, рисовальщик, живописец и гравёр, один из основоположников искусства рококо *Claude Gillot*

бату Морину.

– Регент знает в этом толк!

– Правда!.. И вы желаете, чтоб ему показали картинку. Я понимаю!.. И покажу ему... Завтра или послезавтра.

– Заранее благодарю вас, ваше преосвященство.

– Допустим, что картинка понравится его, императорскому высочеству, что же вы предполагаете? Что он ее купит, не правда ли?

– Я надеюсь, ваше преосвященство.

– А ваш молодой друг, Жак Фойоль, продав картину регенту, может надеяться, что это привлечет многих покупателей и заказчиков в его мастерскую.

Аббат Морин утвердительно кивнул головой.

– Ну, хорошо! Решено, – весело продолжал Дюбуа, – завтра или послезавтра, мы покажем его высочеству картину вашего протеже, господин аббат, я вам обещаю. Это простая услуга, чёрт возьми! Мне было бы очень приятно, если бы все просители были настолько нетребовательны, как вы! Я пошлю нарочного к Жаку Фойолю, как только регент увидит картину и сообщу вам о его решении. Где он живет?

– В том же доме, где и я, ваше преосвященство, на набережной Театен, около особняка графа де Горна.

Дюбуа невольно вздрогнул, услышав имя де Горна. Это имя способно было взволновать и господина и слугу.

– Да! – возразил он самым развязным тоном, – вы живете около особняка графа де Горна, господин аббат!.. Вы знако-

мы с вашим соседом?

– Да, ваше преосвященство, вот уже шесть недель как граф де Горн не пропускает и дня, чтобы не провести нескольких часов в мастерской Жака Фойоля.

– Вот как! Может быть Жак Фойоль дает уроки живописи графу де Горну?

– Нет, ваше преосвященство, нет. Но не от того, чтобы граф де Горн не любил живописи! Он сам хорошо рисует, и Жак думает, что если бы он продолжал заниматься...

– Наконец скажите мне, для чего он каждый день приходит к Жаку Фойолю.

– Как друг. Они случайно сблизились: они как-то вечером освободили от мошенников одну молодую девушку и её старую родственницу, с момента этой счастливой встречи им доставляет большое удовольствие видеть друг друга.

– Ха-ха-ха!

– Граф де Горн, кажется, уже давно подвержен тайным козням врагов!..

– Он вам рассказывал о своих несчастьях на родине и о причине его бегства во Францию?

– Очень кратко, ваше преосвященство. Очень кратко! Но ни я, ни Жак не просили его откровенничать на эту тему. Он умен, любезен, добр. Он страдал... И еще предчувствует страдания. Этого было достаточно, чтобы мы его хорошо приняли.

– Конечно! Конечно!

Тон, которым были сказаны эти слова, ясно доказывал, это мысли Дюбуа были весьма далеко.

Аббат Морин молча и неподвижно ждал несколько минут, пока министр вспомнит, что перед ним кто-то стоит.

– Хорошо, мой милый господин Морин, – сказал Дюбуа, выходя из задумчивости и любезным жестом отпуская посетителя, – что сказано, то сказано! Вы и господин Фойоль скоро будете извещены!.. До свидания!..

– Имею честь еще раз выразить свою благодарность вашему преосвященству, – сказал аббат Морин.

Аббат Морин не успел выйти из кабинета, как Дюбуа стремительно направился к потайной двери и, открыв ее, закричал:

– Эй, господин ле Борньо! Ле Борньо!.. Подойдите!.. Теперь я к вашим услугам, господин ле Борньо!

Господин ле Борньо вошел. Его фамилия была прозвищем, потому что господин ле Борньо был кривой; но поспешим добавить, что его искривление не производило отталкивающего впечатления. У него не было одного глаза. Господин ле Борньо был очень молодой человек, небольшого роста, не красавец, но и не дурен собой. У него были полные щеки, укороченный нос, рыжие волосы, большой рот... Но несмотря на все это, он был не дурен, потому что во всех его чертах и в особенности в единственном открытом глазу светился недюжий ум.

Потайная дверь закрылась за ле Борньо и Дюбуа снова

опустился в свое кресло.

– Я вас заставил ждать, господин ле Борньо? Вы соскучились, и я готов ручаться, что вы проклинали меня?

Господин ле Борньо поспешил отрицательно замотал головой.

– Я покорный и преданный слуга, господина министра, – возразил он тихо, – мой долг преклоняться перед его желаниями, не позволяя себе никогда, даже мысленно, никакого проявления нетерпения или гнева.

– Хорошо! – возразил «господин министр». – Покорный, преданный, терпеливый... и ловкий, сверх того... неутомимый... смелый, вы, без сомнения, перл агентов полиции и мне остается только благословлять господина д'Аржансона, что он, ради меня, лишился содействия такого драгоценного осведомителя.

Хотя Дюбуа старался говорить серьёзно, но в его словах проглядывала насмешка.⁵

– И я тоже, – сказал ле Борньо, прижимая руку к сердцу, – благословляю каждый день господина д'Аржансона за то, что он мои ничтожные качества направил в распоряжение вашего преосвященства, монсеньора министра.

Дюбуа прикусил губы. На его насмешку отвечали насмешкой.

– Довольно льстить, господин ле Борньо! – сказал он,

⁵ Автор использует слово () «осведомитель» или «доносчик», для которого основное значение – «муха, пятнышко». *mouche*

быстро меняя тон как человек, которому надоело играть роль, не согласующуюся с его характером. – Как наши дела? Что нового?

– Ничего, ваше преосвященство.

– Как ничего!.. Опять ничего!.. Это удивительно!

– Верный исполнитель поручений вашего преосвященства, я вчера, как и позавчера, как все дни на протяжении прошедшего месяца неотступно слежу за каждым шагом графа де Горна и...

– И вы ничего не нашли в поступках и в поведении графа де Горна, что бы могло меня заинтересовать?

– Нет, ваше преосвященство. Для знатного лица граф де Горн ведет очень тихую, очень размеренную и лишенную всяких событий жизнь!.. Он встает рано, между девятью и десятью часами... Завтракает и едет верхом или в коляске на Кур-ла-Рейн, в Булонский лес или на бульвары; проводит, два или три часа у маркизы де Парабер; потом возвращается в свой особняк, где часто, – как я имел честь сообщить вашему преосвященству, – его посещает маркиза де Парабер. Вы, может, вспомните, ваше преосвященство, что я даже добавил, что когда маркиза де Парабер бывает у графа де Горна, она там остается до полуночи, а иногда и дольше... Во всяком случае, граф каждый раз сам провожает маркизу домой. Вот и все... К этому можно прибавить еще несколько вечеров, проведенных графом де Горн в опере, в «Комеди Франсез» или в «Комеди Итальян», конечно, в сопровож-

дении маркизы де Парабер. Вот какую жизнь ведет граф де Горн в Париже, с тех пор, как я наблюдаю за ним, по приказанию вашего преосвященства.

– И это все?

– Все.

– Без исключения?

– Без исключения.

Дюбуа пристально смотрел на ле Борньо, предлагая ему эти вопросы; на первый ле Борньо ответил не колеблясь, а на второй – как будто что-то сдавило горло. В это время взгляд его преосвященства принял выражение, в котором нельзя было сомневаться! Ле Борньо все понял!.. Агент его обманывал и его преосвященство ждал только подтверждения своей догадки, чтоб уничтожить его, доказав его ложь.

Несколько минут продолжалось молчание, Дюбуа открыл один из ящиков бюро. Ле Борньо мял в руках шляпу.

– Почему же, господин ле Борньо, – колко спросил Дюбуа, – наблюдая целый месяц за графом де Горном, вы мне не сказали, что он сошелся со своим соседом, молодым живописцем Жаком Фойодем.

– Что такое?.. Гос... подин Жак... Жак Фо... Фойоль?... – прошептал ле Борньо.

– Да. Разве вы не знаете, что Жак Фойоль живет рядом с графом де Горном.

– Нет!.. ваше преосвященство... я... я знаю... что Жак Фойоль живет на набережной Театен, рядом с графом де

Горном.

– И вы должны также знать, что граф каждый день бывает у Жака Фойоля.

– Это правда, я это тоже знаю: каждый день граф де Горн проводит несколько часов у Жака Фойоля.

– Почему же вы мне ни слова не сказали об этой дружбе?

– Гм!.. Господи! Ваше преосвященство, потому что... Потому что я никогда не придавал значения этой дружбе.

– Ха-ха-ха!..

– Потому что я ни минуту не мог предположить, что посещения знатным господином ничтожного живописца могли хоть немного интересовать ваше преосвященство.

– Так-так!..

– Потому что...

– Довольно, бездельник!.. Довольно, негодяй!.. У тебя, конечно, есть причины так старательно скрывать от меня отношения графа де Горна и живописца Жаку Фойоля и его друга аббата Морина!.. Какие причины?! Не знаю... Но при верной службе нельзя ничего скрывать! Ты что-то скрыл от меня, я тебе больше не верю!.. Ты уволен!.. Возьми десять луидоров за труды и ступай вон... Клянусь тебе, я докопаюсь до причины твоего молчания!.. И если я найду хоть тень обмана, берегись! Ты сгниешь в Шателе!..

Пока министр говорил, ле Борньо, не произнося ни слова, нагнулся к бюро, осчитывал и прятал деньги.

Окончив речь, министр позвонил. Явился секретарь.

– Дю Кудрей, с нынешнего дня этому человеку нечего здесь делать. Отдайте внизу указание, чтоб его больше не впускали. Ступайте...

Прошло пять минут, как ле Борньо, пораженный и униженный недовольством его преосвященства, вышел в сопровождении дю Кудрея.

Гнев Дюбуа проходил моментально.

Забыв об агенте полиции и об его преднамеренном обмане, будущий кардинал как ни в чем не бывало, принялся за работу...

Вскоре ему понадобился нож, разрезать печатную брошюру, и он вскрикнул от удивления, не найдя его на бюро. Этим утром он уже несколько раз пользовался ножом.

Дюбуа дорожил этим ножом. Это была драгоценная вещица, подаренная ему Ля Сомом. Нож был золотой с резной слоновой ручкой.

Он позвонил дрожащей рукой один раз... два раза... три... четыре раза...

И только после пятого звонка дю Кудрей, наконец, явился.

– Чёрт возьми!.. Вы глухой, дю Кудрей? Я вам звоню целый час!.. Не попал ли к вам каким-либо образом мой нож?

– Ваш нож, ваше преосвященство? Нет, но... Вы меня извините, что я так опоздал... Потому...

– Почему?

– Непостижимо!.. Представьте себе, монсеньор, не прошло десяти минут, как ваше преосвященство позвали меня

проводить ле Борньо, я перед тем смотрел, который час и...

– И что же?

– Часы пропали.

– Пропали?

– Пропали!

Не обращая внимания на печальную физиономию секретаря, Дюбуа вдруг расхохотался:

– Ха-ха-ха! Бедный дю Кудрей, – вскричал он. – Я опасаюсь, что мой первый опыт над отдельной полицией был неудачным.

– Что вы хотите сказать, ваше преосвященство?

– Я хочу сказать, что в эту минуту мой нож и ваши часы уже далеко... бегут вместе с ле Борньо.

– Как, ваше преосвященство, вы подозреваете?..

– Я не подозреваю, чёрт возьми! Я уверен, после всего случившегося, что ле Борньо такой же агент полиции, как вы или я... И то под видом осведомителя, рекомендованного господином д'Аржансоном. Он один из тех, которых осведомитель должны поймать... и которых они не ловят потому, что они помогают друг другу: это вор из шайки Картуша!.. А может быть сам Картуш!.. Кто знает!.. Он такой дерзкий, что подобный поступок с его стороны меня не удивит! Проститесь с вашими часами, дю Кудрей, как я простился с ножом! Мы их больше не увидим!.. Ха-ха-ха! Их забрал Картуш, и он их уже не вернет!..

Господин ле Борньо

Угадал Дюбуа? Действительно ле Борньо, рекомендованный ему д'Аржансоном, был почетным членом шайки Картуша? Может быть это был сам Картуш?

Если хотите, мы постараемся выяснить это, последовав за ле Борньо, после ухода его из дворца регента.

Во всяком случае ле Борньо имел причины, не спрашивая отчета о таком постыдном для него отказе от места, скорее выйти из кабинета министра; он слетел с лестницы и, очутившись на внутреннем дворе, велел открыть калитку, выходящую на улицу Сент-Оноре, и выскочил оттуда, как птица, воспользовавшаяся благоприятным случаем, чтобы вылететь из клетки.

Выйдя из дворца, ле Борньо сразу же успокоился при виде шумящей на площади толпы и оперевшись на какую-то лавочку начал размышлять.

Какая-то женщина, незаметно для ле Борньо, проскользнула к нему и сказала вполголоса:

– Может тебе нужны носилки? Они стоят на углу улицы Фруа-Манто.

Это была высокая, полная, свежая брюнетка, лет двадцати шести. Она держала в руках корзину, с яблоками и грушами.

При первых словах этой женщины ле Борньо радостно удивился.

– Это ты, Жанетон! – сказал он.

– Да, я. Это тебя удивляет? Ты знаешь, что я не могу успокоиться, когда ты бываешь у аббата Дюбуа. Этот выскочка, говорят, очень хитер!.. И тебе однажды, пожалуй, придется раскаяться за твое отношение к нему!

– Люблю обыграть хитрых! Но все-таки прекрасно, что тебе пришла в голову мысль запастись носилками, Жанетон! Наши носилки? И с нашими людьми?

– Конечно! Патопон и Тет де Мутон.

– Передай, чтоб они подошли ближе.

Жанетон, так звали высокую брюнетку, поставила на мостовую корзину с фруктами и повернула голову к улице Фруа-Манто, – это, видимо, был условный знак, потому что два человека тотчас же подняли носилки, направились к тому месту, где стоял ле Борньо.

– Это не все, – сказал он, нагнувшись к корзине, будто перебирая яблоки. – Мне еще нужна одна услуга от тебя, Жанетон!..

– Все, что хочешь, – быстро проговорила высокая брюнетка. – Что такое?

– Я направляюсь на набережную Театен, в особняк графа де Горна. Ты знаешь, где это?

– Да, рядом с домом твоих друзей, Жака Фойоля и аббата Морина.

Ле Борньо улыбнулся.

– Рядом с домом моих друзей, – повторил он. – После

встречи у графа де Горна мне хочется зайти к моим друзьям... Но для этого, ты понимаешь?..

– Поняла.

– Ну?

– Говорю тебе, я поняла! Не беспокойся! Когда ты выйдешь, прикажи только Патопону и Тет де Мутону ждать тебя где-нибудь с носилками... Все будет готово.

Ле Борньо выпустил яблоко, которое он делал вид что рассматривает и пожал руку высокой брюнетке.

– Действительно, ты также умна, как и хороша, Жанетон! Если бы мы были в укромном месте, я бы тебя расцеловал за твои труды!

– Это можно будущей ночью, у меня.

– Будущей, ночью, не рассчитывай, моя дорогая! У меня есть работа на всю ночь!..

– Опять! И где?

– Я тебе расскажу сегодня вечером за ужином. А теперь спрячь эти безделушки, они мне мешают. Если которая-нибудь из них тебе понравится, я тебе ее дарю, слышишь? Безделушки, стесняющие ле Борньо, были золотой нож его преосвященства первого министра и прелестные золотые часы его секретаря, де Кудрея.

Обе вещи, как бы по волшебству исчезли в бесконечных карманах высокой брюнетки.

– Когда вам будет угодно сегодня отужинать?

Перед ле Борньо остановились носилки.

– В семь часов, у тебя, Жанетон! – сказал он тихо и громко добавил, садясь в носилки.

– Слишком, дорого, моя милая слишком дорого!

Ле Борньо, опасаясь нескромных глаз и ушей, указал носильщикам направление, по которому они должны были идти, но когда они прошли несколько шагов, он выглянул и сменил направление. Отправляясь с площади Пале-Рояль в половине первого, ле Борньо был на набережной Театен, перед особняком графа де Горна, ровно в час, – люди, исполнявшие должность животных, ходили быстро.

Ле Борньо не сомневался, что это было не лучшее время, чтобы видеть графа. Хотя он скрыл от Дюбуа часть поступков молодого немецкого принца, за которым ему поручено было наблюдать, но все-таки он сказал верно, что граф обычно гулял после завтрака.

Картуш. Гравюра XVIII века. Автор неизвестен

Когда необходимо видеть какую-нибудь личность, не обращая ни на что внимания, решаются, может быть, на бесполезную попытку. Но ле Борньо в этом случае надеялся на свою звезду, которая с некоторых пор была к нему очень благосклонна. Может быть граф еще не ушел.

Быстро переговорив быстро, с Потопоном и Тет де Мутонном, удалившимися вместе с носилками, ле Борньо вошел в особняк и, обращаясь к привратнику, спросил его:

– Дома ли граф де Горн и можно его видеть?

Привратник, великан, метр восемьдесят, молча смотрел

на маленького кривого человека, чисто, но скромно одетого, который, вероятно, наивно полагал, что достаточно явиться в дом знатного лица, чтобы тотчас же быть принятым.

Но вот в глазах маленького человечка блеснула молния и невольно заставила великана вздрогнуть.

– Вы не слышали, мой друг? – хрипящим голосом сказал ле Борньо. – Я вас спросил: «дома ли граф де Горн и можно ли его видеть?»

– Граф де Горн у себя, – отвечал привратник, – но...

– Судя по моей внешности, вы думаете, что он не хочет меня принять, не правда ли? Вы ошибаетесь. Передайте это графу, и вы увидите, что не всегда можно судить о людях по внешности!

Он подал привратнику сложенную и запечатанную записку, содержащую несколько слов, которые ле Борньо, на всякий случай, набросал во время своего путешествия с площади Пале-Рояль на набережную Театен.

Раздавленный тоном маленького человечка, великан взял записку и позвал лакея, появившегося на лестнице, передал ему записку для графа.

Не прошло и пяти минут, как лакей вернулся и обратился к ле Борньо:

– Не угодно ли вам проследовать за мной, граф вас ждет.

Давайте немного опередим ле Борньо и сперва познакомимся с интереснейшей личностью из этой истории – с графом Антуаном де Горном и с женщиной, одной из тех, кто

запятнан вечным презрением из-за своих бесчисленных падений, но несмотря на это, сумела доказать, что как бы человек не был порочен, он может подняться, услышав голос сердца. Это была: Мари-Модлен де Коскайр де ля Вьевиль де Кермориаль, маркиза де Парабер.

Громкое имя для недостойной личности.

Но так как во Франции особенно во времена монархии имя знатных вельмож и знатных дам удерживало их от падения, так во время регентства и во время царствования Людовика XV, напротив, вся знать старалась и, казалось, хотела перещеголять друг друга своими пороками – развратом. В особенности регентство стало роковой эпохой для подвигов начальника воров. Филипп Орлеанский, человек безнравственный и бесчестный, во главе страны!.. Филипп Орлеанский – регент Франции!.. Дюбуа, аббат Дюбуа – первый министр!.. «Так было написано!» – как говорят мусульмане. Двор погрузился в пороки, а город в беззаконие.

Граф де Горн, вопреки своим привычкам, был дома. Маркиза де Парабер, узнав от посыльных, что ее любовник не придет к ней, бросилась к нему и в двенадцать часов уже была на набережной Театен. Она его любила, как уверяла своих друзей, – «больше, чем она когда-либо любила... того, кого она любила больше всех».

Эту оценку трудно правильно оценить, потому что, когда маркиза де Парабер стала любовницей графа де Горна, ей было тридцать лет и, если верить скандальной хронике, у неё

к этому времени было столько же тайных связей.

Граф любил маркизу страстно, как двадцатидвухлетний молодой человек может любить тридцатилетнюю женщину, которая кроме красоты, обладала грацией, умом и изяществом. Как человек, который, несмотря на свою молодость, уже успел многое пережить, и жаждал наслаждений, в которых ему так долго отказывали.

Любовь – искусный доктор. Не прошло четверти часа, как приехала маркиза де Парабер, и мигрень, на которую жаловался Антуан де Горн, сразу же прошла.

В то время, как мы проникли в комнату наших героев, они завершали утренний прием пищи. Завтрак был подан в спальне графа. Маркиза сидела рядом с ним.

– Лакомка! – весело сказала она, вытирая ему губы, кончиком тонкой салфетки. – Надеюсь, вы уже успели утолить свой голод?

– Не совсем!.. – возразил он.

– Еще!..

– Я все еще жду твоих поцелуев!

Она улыбнулась. Такой аппетит не извинителен. И она позволила его удовлетворить.

Он держал ее в своих объятиях. Её чудная голова лежала у него на груди.

Вдруг он отстранил ее, встал, подошел к камину и взял календарь.

– Что это такое? – спросила она, следя за ним глазами. –

О чем вы думаете?

– Я думаю, что сегодня 20-е сентября, – сообщил он, задумчиво возвращаясь на свое место. – Ровно год тому назад, я убежал из тюрьмы замка де Верт, убив своих сторожей.

– Я рада... что у вас хватило мужества и ловкости вырваться из несправедливого и жестокого заточения!.. На настоящее слишком хорошо, зачем же вспоминать о печальном прошлом?

– Вы правы. Простите меня Мадлен. Рядом с вами я должен думать только об одном. Но вы знаете, это не моя вина... Я не всегда могу совладать с собой. Когда человек сходит с ума в нем навсегда, что-то такое остается.

Действительно, Антуан де Горн шесть месяцев был сумасшедшим и, как он сказал, в нем что-то такое осталось. Посреди разговора он вдруг обрывал себя и начинал говорить о совершенно других вещах. Маркиза де Парабер часто замечала, что из-за пустяков, при каком-нибудь воспоминании, кровь бросалась ему в голову и все путала.

– Что касается сумасшествия, – сказала маркиза, взяв руки своего любовника и смотря на него с нежностью, – я признаю и разделяю только одно... сумасшествие от любви!

Он снова горячо обнял ее.

– Так ты меня любишь, Мадлен! – сказал Антуан де Горн.

– А ты?

– Всею душой!

– Так же, как и я.

– А ты всегда будешь любить меня?

– А ты?

– Всегда, всегда!

– Так же, как и я.

– Дольше, чем всегда, чудная Мадлен!.. Дольше моей жизни я тебя буду любить, даже когда умру!..

– Что касается последнего, как бы я ни желала тебе нравиться, не могу быть такой постоянной, как ты!.. Я не знаю, что будет после смерти, и потому не могу ручаться.

– Отчего? Разве ты не согласна со мной, что когда любящие души оставят земную оболочку, встречаются в ином мире, чтобы снова любить?

– Пусть будет так! Но, ни я, ни ты не жаждем умереть, и желаем встретиться в ином мире, как можно позже, потому что мы счастливы на земле и не будем портить нашего счастья, беспокоясь о будущем!

Она завершила свою речь пламенным поцелуем.

– Гм! – прошептал он, задумчиво покачав головой. – Ты говоришь, что нам не надо заботиться о будущем, Мадлен! На самом деле, для тебя, по крайней мере, никогда не может быть тени беспокойства относительно некоторых требований жизни... Но для меня, к несчастью, все обстоит иначе!

– Некоторые требования жизни?.. Что ты хочешь сказать?

– Ничего! Это касается дел... презренных финансовых дел! Я очень сожалею, что надоел тебе этим разговором.

– Мне не может надоест то, что интересуется тебя. Говори,

прошу тебя, Антуан. Какие денежные дела тебя беспокоят?

– Это то, что помешало мне спокойно спать прошлой ночью и отчего у меня сегодня мигрень. Ты знаешь, я приехал в Париж летом, чтобы получить свою часть наследства от моей тетки, принцессы д'Эпине.

– Да, и самую лучшую часть: во-первых, особняк, в котором ты живешь, потом, поместье в Пикардии и наконец, восемьсот или девятьсот тысяч ливров.

– Я тотчас же вступил во владение особняком, – это правда; поместье в Пикардии – леса, луга, ферму, отдадут мне тотчас же, как я захочу. Но денег мне не дали.

– Да!?

– Мне дали только часть денег, но это слишком мало для меня.

– Но у тебя есть поверенный по твоим делам о наследстве?

– Без сомнения! И этот поверенный дал мне только пятьдесят тысяч ливров, которые я у него попросил, потому что у меня не было ни гроша.

– Ну что же?.. Если эти пятьдесят тысяч ливров истрачены, нужно у него взять еще пятьдесят, – вот и все!

– Я так и сделал, а этот болван мне вчера ответил, что он не может давать больше денег до совершенной ликвидации наследства.

Маркиза де Парабер пожала плечами.

– Твой поверенный педант и глупец, – сказала она, – он не понимает, что когда человек твоего положения нуждается-

ся в его кошельке, его обязанность предложить его к твоим услугам. Но об этом не стоит огорчаться. Напиши только... как зовут твоего поверенного?

– Господин Фанар.

– Напиши только господин Фанару, чтоб он в двадцать четыре часа прислал то, что ты у него требуешь или ты лишаешь его доверенности. Во всяком случае, если он окажется очень скуп, не печалься, мой друг, я знаю, кто может помочь тебе в этом затруднении.

– Ты знаешь, кто может мне одолжить...

– Пятьдесят... сто... двести тысяч ливров? Не сомневайся! К чему тогда быть знатным и получать больше чем миллионное наследство, если нельзя получить золото, когда оно необходимо! Я сегодня же увижу, опытного в этих, делах, кавалера де Мильна, и расскажу ему о твоём положении и...

Маркиза остановилась.

Кто-то постучался в спальню.

– Что такое? – закричал Антуан де Горн, рассердившись, что прервали его разговор.

Вошел его лакей, Фирмен, и подал на подносе записку ле Борньо.

– Может, это от господина Фанара! – весело сказала маркиза де Парабер. – Он раскаивается в своей ошибке и предупреждает тебя о своем посещении.

Граф распечатал и прочел записку, потом подал ее маркизе.

– Нет, – сказал он, – это не от моего поверенного. Посмотри, что мне пишут, Мадлен.

Она тоже прочла.

Записка содержала следующий текст:

Маркиза де Парабер стала серьезной.

– И что вы решили? – спросила она, взглянув на графа.

– Решайте вы, – возразил он.

– По-моему, нечего колебаться, вам надо принять этого человека.

– Так давайте примем его.

И повернувшись к лакею, Антуан де Горн приказал привести посетителя.

– Подождите, Фирмен, – сказала маркиза...

– Кто бы это не был, – продолжила она, обращаясь к графу, – и что бы его ни побуждало к этому поступку, мое присутствие здесь, без сомнения, его стеснит. Пусть лучше он меня не видит.

– Но...

– Будьте спокойны! Я его буду видеть и буду слышать, что он скажет. Смотрите... мне здесь будет превосходно видно и слышно.

Сказав это, маркиза де Парабер села на еще не заправленную постель графа и затянула занавески, высунув только свое обворожительное личико.

Граф улыбнулся.

– Прекрасно, моя дорогая! – сказал он. – Оставайтесь

там, хотя я, очень сожалею, что из-за какого-то незнакомца, не могу присоединиться к вам.

Она покачала головой.

– Не время шутить, – сказала она. – Может быть, у этого незнакомца добрые намерения.

– Я не спорю. Вы готовы маркиза?

– уже целый час!

– Фирмен, введите этого господина.

Его внешность, как мы сказали, говорила не в его пользу. Его одежда, манеры и лицо вызывали доверия. Но он хорошо это понимал, и несколько не удивился, когда на его почтительный поклон, граф де Горн едва заметно кивнул головой и холодно спросил его, показывая его записку.

– Это вы написали?

– Я, господин граф, – отвечал ле Борньо.

– Кто вы? Как вас зовут?..

– Меня зовут ле Борньо. Я – агент полиции.

– Что?!..

Отвращение, выразившееся в восклицании графа, когда он узнал о профессии своего посетителя, также несколько не огорчило ле Борньо.

– Разве я не, предупредил вас, что я ничтожный и покорный?

– Да!.. – возразил де Горн, – но «ничтожный и покорный» не значит низкий и подлый!.. Это отвратительная профессия – быть агентом полиции. Ни один честный человек не со-

гласится стать полицейским добровольно!

– Вы рассуждаете, совершенно правильно, господин граф. «Ни один честный человек», в особенности, в наше время, с господином д'Аржансоном во главе. Как чиновник, господин д'Аржансон очень способный, но нравственно – это дурной человек, и полиция ошибается, предполагая, что она состоит из честных людей. Но я осмелюсь заметить, что исключения есть всегда и везде, а, следовательно, нечего удивляться, если среди полицейских встретишь честного человека, в особенности если этот человек докажет вам, что он проник в эти ряды для достижения иной, дорогой для него цели!..

Выражения, с помощью которых объяснялся ле Борньо, начали сглаживать неприятное впечатление, которое он произвел на графа де Горна, а последние слова агента полиции решительным образом изменили это отношение.

– Объяснитесь, – возразил он не так сухо как раньше. – Согласно вашим словам я могу предположить, что я играю какую-то роль в вашем решении поступить в полицию?

– И вы не ошибаетесь, господин граф, потому что ради вас... только ради вас я, по рекомендации господина д'Аржансона, стал осведомителем, или личным соглядатаем его преосвященства аббата Дюбуа, первого министра его королевского высочества, монсеньора регента.

– По рекомендации д'Аржансона вы были соглядатаем!.. заслуженным осведомителем у начальника полиции, прежде

чем перейти к Дюбуа?

Насмешливая улыбка пробежала по губам ле Борньо.

– Господин д'Аржансон никогда не был со мной знаком.

– Как это?

– Разъяснение деталей, которые, признаюсь, могут показаться господин графу необыкновенным, могут повлечь за собой необходимость объяснять бесчисленные подробности, которые я не могу раскрывать. Поэтому прошу вас довольствоваться только тем, что вы узнали, что я принадлежу к числу тех людей, которые не отступают от своих планов, несмотря ни на какие препятствия. Хотя господин д'Аржансон необыкновенно способный, как чиновник, но как человек, он имеет много слабых сторон, которыми ловкий человек легко может воспользоваться.

– Соглядатай – шпион, с фантазией, – и с ловкостью – вы поступили на службу к аббату Дюбуа. И что дальше?

– Вы не догадываетесь, господин граф?

– Нет.

– Это очень просто!.. У вас есть влиятельные и сильные враги, господин граф, не правда ли? Монсеньор герцог Орлеанский и аббат Дюбуа. Вы нажили себе двух сильных врагов... Хотите, я вам скажу почему?..

– Нет! Это совершенно излишнее, – быстро возразил Антуан де Горн, украдкой взглянув на постель. – Я знаю... регент и министр меня ненавидят... и у них, может быть, есть на то свои причины!.. Но, наконец, как они хотят выразить

свою ненависть?

– Что касается регента, я не знаю, и, по правде сказать, зная его вспыльчивый и великодушный характер, я не думаю, чтобы вы могли с ним поссориться! Но с аббатом Дюбуа другое дело! Аббат питает к вам глубокую ненависть. Ненависть священника – неумолимая ненависть: если регент охотно забывает, аббат помнит... Он помнит, чтобы за зло воздавать злом. – Он ранит того, кто его тронет!.. Убивает – кто его ранит... если может!

– Да, если может!.. Но как бы ни была велика ненависть такого человека, что может он сделать против людей... моего положения?

– Он может сделать все... что он захочет, будьте уверены.

– Короче, – вам, шпиону аббата Дюбуа, было поручено...

– Ни минуты не терять вас из виду, и три раза в неделю предоставлять ему отчет о ваших поступках.

– Да!.. И вы ему давали отчет?

– Без сомнения.

– И какой вывод он из этого сделал, чтобы навредить мне?

– Никакой! Вот потому-то он меня сегодня и прогнал, поскольку решил, что напрасно теряет деньги, не получив от меня никакой информации.

– Зачем же вы пришли ко мне, когда он вас прогнал.

– Очень просто. С тех пор, как мне поручили за вами наблюдать, ваши враги ни к чему не могли придаться. Но я уверен, что все было бы иначе, если бы шпионом аббата. Дю-

буа был кто-нибудь другой!

– Почему?

– Я вам уже объяснил в записке почему. Потому что я покорный и преданный друг ваш, господин граф, и я был бы в отчаянии, если бы с вами приключилось какое-нибудь несчастье из-за меня. Так как я оставил службу у аббата Дюбуа, то он наверно заменит меня другим шпионом. Поэтому, имея это основательное предположение, я и пришел сказать вам: «Вы, знатный вельможа граф де Горн, честный человек, которого ни в чем не может упрекнуть даже его совесть, думаете, что вам нечего опасаться?» Вы ошибаетесь, вы сильно ошибаетесь. Во Франции, в эту минуту, власть принадлежит,.. вы знаете кому?.. Благородство и честность не могут быть гарантией для уважения и безопасности. Аббат Дюбуа, первый министр регента, смертельно вас ненавидит. Остерегайтесь аббата Дюбуа! Если бы даже пришлось уехать, удалиться от непреодолимой опасности – не трусость... изо всех сил избегайте ударов вашего врага! Я уже все сказал, господин граф...

Ле Борньо замолчал.

– Благодарю вас за ваши советы, мой милый, – гордо сказал граф де Горн. – Сколько они стоят? Десять... пятнадцать... двадцать луи?.. Говорите. Любой труд заслуживает вознаграждения, я не буду с вами торговаться.

Сказав это, граф взял с камина кошелек и открыл его.

– Вы мне не должны ни копейки, граф, – бесстрастно ска-

зал ле Борньо.

– Как ни копейки! Вы смеетесь надо мной! Вы хотели оказать мне услугу, я согласен... Но я не согласен принимать услуги даром!

– Но вам придется оставить себе свое золото, потому что я ничего не возьму!

– Что!?

– Антуан!

Маркиза де Парабер вдруг вышла из своей засады и, вмешавшись в разговор, подошла к Антуану де Горну, бросившему негодующий взгляд на ничтожного человека-осведомителя – осмелившегося сделать ему одолжение.

Граф был удивлен и поражен появлением маркизы. Ле Борньо, напротив, совсем удивился, и даже выразил как будто видимое удовлетворение.

Неужели ле Борньо не заметил взгляд, который недавно Антуан де Горн украдкой бросил на постель? Заметил он кого-то за занавесками, и догадался, кто это был!

В то время как граф наморщил брови, увидав маркизу, ле Борньо, улыбаясь, уже низко кланялся красивой даме.

Бросив на графа повелительный и в то же время умоляющий взгляд, она повернулась к ле Борньо:

– Я – маркиза де Парабер, – сказала она.

– Я имею честь знать лучшего друга графа де Горна, – сказал ле Борньо, опять низко кланяясь.

– Поскольку вы меня знаете, вам не покажется странным,

что меня интересует всё касающееся графа де Горна.

– Напротив, маркиза, ваше равнодушие показалось бы мне не только странным, но даже предосудительным.

Антуан де Горн прикусил губы. Ответ агента, судившего о поведении маркизы, ему показался необыкновенно дерзким. Он хотел было вмешаться.

– Хорошо, милостивый государь, – возразила маркиза, снова жестом удерживая графа и обращаясь к ле Борньо, – так как вы не сомневаетесь в моем участии, то, я надеюсь, вы не откажетесь ответить на вопросы, которые я задам по поводу вашего посещения?

– Спрашивайте, сударыня, я постараюсь ответить вам ясно и четко.

– Я верю в вашу искренность, милостивый государь, я верю инстинктивно... а инстинкт редко обманывает женщин – вы из симпатии только пришли сказать графу де Горну: «вы в опасности, берегитесь!...» Но какое бы ни было хорошее чувство, оно, как и самое дурное, имеет свою причину. Откуда исходит чувство, которое вы испытываете к графу де Горну? Вы недавно были агентом аббата Дюбуа, как и почему вы стали теперь нашим другом? Объясните нам.

– Боже мой, сударыня, – сказал он растроганно, – я в отчаянии, что не могу ответить на первый ваш вопрос!

– Почему?

– Потому что я просто не могу... Очень просто!... Потому что причины моей симпатии к графу, как бы они не были

похвальны, для его же пользы уверяю вас, не должны быть известны ни графу... ни вам! Но, сударыня, если вы верите, что, сказав графу «вам угрожает опасность, берегитесь» я преследовал только одну цель – предостеречь его для сохранения его свободы... его счастья... его жизни наконец... почему же вы верите сообщению, и не хотите верить человеку доставившему это сообщение? Неужели мое низкое положение и моя внешность... служат причиной ваших сомнений. Вы ведь знаете басню, в которой говорится, что крыса освободила льва-узника? Доказательством честности моих намерений может быть мой отказ от вознаграждения графа. Наконец... почему я друг... преданный друг графа де Горна, а, следовательно, и ваш, сударыня, – это моя тайна. Тайна, которой я не стыжусь, а напротив – буду в отчаянии, если она будет открыта! Поэтому позвольте вам изъяснить мое почтение и тысячу раз извиниться, что желание быть вам полезным, я доставил вам несколько неприятных минут своим посещением...⁶

Поклонившись, ле Борньо направился к двери.

Граф де Горн и маркиза де Парабер обменялись взглядами.

– Разве мы больше не увидимся? – сказал граф.

– Не думаю, – возразил ле Борньо, – вы больше не нуждаетесь в моих услугах, к тому же я не принадлежу вашему обществу, – прибавил он с едва заметной усмешкой. – Очень

⁶ Басня Жана де Лафонтена.

может быть, что мы никогда не увидимся!

– Если вы не желаете ничего принять от графа де Горна, я надеюсь, вы не откажетесь взять у меня на память эту безделушку, – сказала маркиза де Парабер, быстро вставая и подходя к агенту полиции.

Это было милое кольцо с сапфиром, которое она сняла с руки.

Ле Борньо, не колеблясь, взял кольцо и положил его в карман.

– Маркиза, вы самая благородная женщина во Франции, – сказал он, еще раз кланяясь маркизе де Парабер, – вы – так же благородны, как умны и прекрасны! От всего сердца благодарю вас за ваш подарок.

И он вышел.

«Граф.

У вас влиятельные и сильные враги. Чтоб устранить зло, которое они планируют против вас совершить, соблаговолите – выслушать советы ничтожного и преданного друга. Он ждет вашего решения».

Дом на набережной Театен

Дом, в котором жил Жак Фойоль и аббат Морин, на набережной Театен, рядом с особняком графа де Горна, был не очень большой, но очень удобный и уютный.

Он был трехэтажный.

На нижнем этаже справа, были столовая и кухня, слева – гостиная, а за ней комнатка служанки.

На втором, разделенном коридором, были две спальни: одна Жака, а другая его матери Женеьевы Фойоль.

На третьем – напротив мастерской Жака, были комнаты аббата; эти комнаты были крохотными, но аббату это нравилось. Когда, пять лет тому назад, он поселился в этом доме со своими друзьями, Жаком Фойолем и его матерью, они хотели отдать аббату весь второй этаж. Женеьева из гостиной на нижнем этаже хотела сделать свою спальню, а Жак мог спать наверху, рядом со своей мастерской. Но аббат знал, что мать и сын не могут жить так далеко друг от друга. Мать беспокоилась бы ночью о сыне, а сын, найдя вечером мать не совсем здоровой, несколько раз ночью приходил бы вниз посмотреть, спокойно ли она спит.

– Я буду жить наверху, или я не останусь в этом доме.

Мать и сын вынуждены были согласиться с таким решением.

Расскажем в нескольких словах, какие отношения были

между этими тремя людьми, и как сформировались эти отношения.

Это случилось в 1699 году, – уже двадцать лет прошло с тех пор, как в октябре 1679 года аббат Морин познакомился с Женевьевой Фойоль и её сыном Жаком.

Это было вечером, около шести часов. Аббат Морин возвращался с урока и был уже в нескольких шагах от своего дома, на улице Серизе, как вдруг около особняка Ледигьер он встретил плачущую женщину.

Конечно, аббату не было никакого дела до того, куда шла эта женщина. Но он не мог, даже обязан был спросить, о чем она плачет, чтоб помочь ее горю.

К тому же, как будто осознав, что она найдет у него сочувствие, женщина остановилась перед аббатом в ту минуту, когда он остановился перед ней.

Женщине было лет тридцать, она не была особо привлекательна, но имела честное и открытое лицо. По её наполовину деревенскому, наполовину городскому костюму можно было догадаться, что она из Нормандии, на что также указывал её большой и высокий чепчик.

– Что с вами сударыня? – ласково спросил ее аббат. – О чем вы плачете? Я – аббат Морин, живу недалеко отсюда. Если я могу быть вам чем-нибудь полезен, располагайте мной!

– Благодарю вас, аббат, – отвечала женщина, подавив рыдание. – Это Бог послал вас ко мне, если вы сможете мне

помочь!

– Что, вам нужно?

– Доктора.

– Для кого?

– Для моего ребенка, моего сына, моего Жака: он болен, очень болен, очень болен... и я боюсь!..

Меня зовут Женевьева Файоль, я из Байё, близ Кан; по некоторым причинам, три дня тому назад, я была вынуждена вместе с моим ребенком покинуть родной город и навсегда поселиться в Париже. На него плохо подействовала перемена климата и утомительная дорога. Еще вчера, как только мы приехали, мне показалось, что мой маленький Жак был не совсем здоров. Я думала, что, когда он отдохнет в хорошей комнате и в чистой постельке, ему будет лучше... но...

– Он не поправляется!

– Да.

– И вы очень беспокоились. Где вы живете?

– Недалеко, господин аббат.

И Женевьева указала на гостиницу с вывеской «Черная кошка», недалеко от дома аббата Морина.

При виде этой гостиницы аббат не смог удержать гримасы.

– Может быть, я неправильно поступили, что остановилась там? – боязливо спросила Женевьева. – В гостинице не совсем хорошо, но согласитесь, это не моя вина, я не знаю Парижа. Мне подсказали этот дом, где я все-таки не хотела

долго оставаться. Хотя мы не богаты, но у нас есть средства для жизни и...

— Я вам найду более удобную квартиру. Немедленно...

— Нужен доктор! Вы знаете какого-нибудь? Вы пойдете за ним вместе со мной?

— Я знаю доктора, который может помочь вашему сыну, но так как я сам немного разбираюсь в медицине, прежде чем звать доктора...

— Я вас отведу к моему маленькому Жаку, чтобы вы могли сказать, что он болен или просто устал. Пойдемте поскорей, может быть, вы скажете, что мне нечего беспокоиться. Какое бы это было счастье! Конечно, это милость Божья, что я вас встретила, у меня и у Жака никого нет в Париже, а теперь, мне кажется, у нас будет покровитель... друг!..

Женевьева была права, случай или Провидение посылало ей друга в лице аббата Морина.

Друга, который с первых же минут стал для неё братом, отцом — для её сына. Друга, которого любовь на протяжении двадцати лет не только не уменьшилась, но напротив увеличилась и стала серьезней и глубже.

Когда Женевьева привела аббата Морина к маленькому Жаку, хорошенькому двухлетнему мальчику, он тотчас же успокоил ее, сказав, что нет ничего опасного. Это было простое утомление, неизбежное следствие длинного, и утомительного путешествия. Освежающее питье вечером и теплая ванна утром, диета, спокойствие... и послезавтра Жак будет

здоров.

На следующий день он чувствовал себя настолько хорошо, что мог вместе с матерью переселиться из гостиницы «Черная кошка» на маленькую квартирку рядом с аббатом, который, спросив совета Женеьевы Фойоль, меблировал эту квартиру, пусть не роскошно, но очень комфортно.

Женеьева Фойоль находила, что аббат Морин у неё был как у себя дома. Мать и сын были в восторге, когда после уроков он проводил у них несколько часов, вскоре и аббат привык их дом считать своим. Благодаря хорошей репутации аббата и малопривлекательному лицу Женеьевы, никто в квартале ничего дурного не говорил об их дружбе!

По воскресеньям они ходили втроем в церковь Сен-Поль, днем гуляли в бульварах или в садах особняка Ледигьер, где в 1742 году, из всех памятников, воздвигнутых различными владельцами особняка, остался только один, поставленный – кошке «Франсуаз», принадлежавшей Маргарите де Ганди, вдове Эммануила де Креки герцога Ледигьера. Этот «мавзолей» был украшен следующей надписью:

Cy-gist une chatte jolie

Sa maitresse, qui n'aima rien

L'aima jusques à la folie.

*Pour quoi le dire? On le voit bien!..*⁷

Часто видели, как аббат Морин поздно выходил от Жене-

⁷ Сай-суть красивая кошечкаЕго любимица, которой никто не нравилсяЛюбила его до безумия. Чего и говорить? Мы это видим!..

вьевы Фойоль, а Женевьева Фойоль иногда очень рано приходила к аббату Морину. Но никто не находил это ни странным, ни предосудительным: мы уже сказали, что аббат Морин был больше чем другом – он был братом и отцом для Женевьевы Фойоль и её сына. Также думали о них все соседи. Морин никогда не расспрашивал Женевьеву о её прошлом. Не любопытный по характеру и из принципа, он довольствовался тем, что она сама ему сказала.

Она была вдова... У нее не было больше родных... Она получала ежегодно три тысячи ливров: из денег, вырученных от продажи её имения... И эти деньги ей высылал каждые три месяца нотариус в Кане, у которого был помещен её капитал. Вот и все.

И аббат Морин никогда не беспокоился о том, было ли это в самом деле все и была ли какая-нибудь тайна в жизни этой женщины и этого ребенка.

Да и к чему ему было, беспокоиться? Эта женщина была доброе создание; она чувствовала к нему бесконечную признательность и уважение, ребенок: любил его почти так же, как мать, и к тому же был добр, умен, и хорош, как ангел! Послушный и прилежный с детства, в пятнадцать лет Жак был лучшим учеником аббата, который им гордился.

Когда Жаку исполнилось пятнадцать лет, его добрый друг, как он всегда звал аббата Морина, сделал ему сюрприз: молодой человек с детства имел склонность к живописи, что не могло укрыться от аббата, с помощью которого теперь он

поступил в мастерскую Клода Жилло.

Женевьева Фойоль огорчилась, узнав, что её сын станет пачкуном. Тринадцать лет прожитых в Париже не изгладил у нее провинциальных предрассудков. Она не думала, что искусство могло облагородить и обогащать! Преклонившись сначала из уступчивости перед призванием Жака и поддерживаемая надеждой аббата, она только впоследствии, увидела осуществление этих надежд, и была довольна, что не препятствовала ему! Жак уже в начале своими успехами доказал, что он быстро пойдет вперед.

– У меня есть новость для вас, – сказал однажды аббат Морин.

– Что такое? – вскричали вместе Жак и Женевьева.

– Если хотите, мы будем жить вместе.

– Вместе, все втроем?!

Мать и сын, широко раскрыв глаза, с удивлением повторяли эти слова.

– Заметьте, – возразил аббат, – что это не может случиться без вашего желания, но я вам скажу, что я сделал. Если вы одобрите, значит я хорошо сделал, если не одобрите – мы не будем больше об этом говорить. И так, я начинаю: Жак слишком далеко живет от мастерской своего учителя Клода Жилло. Не правда ли, Женевьева? От улицы де ла Серизе до улицы Сент-Андре-дез-Ар по крайней мере час ходьбы. Час туда, час назад, слишком долго, особенно в плохую погоду. Независимо от этого неприятного двухчасового путе-

шествия, есть и другая причина, ради которой, я думаю, Жак не пожалеет оставить эту квартиру: он не может здесь иметь собственной мастерской. А мастерская необходима для живописца. Ученик может без неё обойтись, но когда начинаешь чувствовать свои силы, необходимо иметь свою собственную рабочую комнату. Короче, задавшись мыслью, что Жаку необходимо отсюда переехать, а, следовательно, и вам также, моя добрая Женевьева, я, не сказав вам ничего, начал искать для вас квартиру на улице Сент-Андре-дез-Ар. Я забыл вам сказать, что и я тоже не желаю оставаться в этом квартале ни одной минуты! Я умру от тоски, если останусь здесь один, я привык к вашему обществу, как вы привыкли к моему. Я не знаю, можете ли вы обойтись без меня, но я без вас не могу.

Четыре руки, дрожа от волнения, протянулись к аббату. Морину и два голоса вскричали вместе:

– Мой добрый друг!

– Дорогой аббат!

– Вот новость, – продолжал он, – которая, я думаю, будет вам приятна. Я нашел квартиру в маленьком домике, на набережной Театен, где у Жака будет своя мастерская! Этот дом не дорогой, – восемьсот франков в год. Вы – четыреста и я – четыреста. Нравится вам такое предложение? – Согласны ли вы? Будем мы жить втроем?

Вместо ответа Жак бросился на шею своему доброму другу, а Женевьева прошептала, вытирая радостные слезы.

– Согласны ли мы! Но после всего того, что вы для нас сделали на протяжении этих пятнадцати лет, мы были бы слишком неблагодарны, чтобы не принять с радостью вашего предложения. Жить под одной крышей с вами, жить с вами, около вас, – это высшее счастье какое мы только могли ожидать! И за которое мы должны благодарить Бога!

– Хорошо! – весело сказал аббат, – так решено: мы идем все трое смотреть домик, который, я уверен, вам понравится. Потом, мы отправимся на улицу Сен-Жак, к домовладельцу господин Леблону, и заключим контракт, а через восемь дней мы устроимся в новой и общей резиденции!

– И она нам понравится! – воскликнул Жак. – Не правда ли, матушка?

– О, конечно! Она нам понравится! Ах, если бы это только зависело от меня, мы бы сегодня же переехали!

Сказано, сделано! Через восемь дней Женевьева с сыном перебрались в новый домик, который им очень понравился, и устроились там, как мы уже описали. Условия эти долго обсуждались вначале, Женевьева ни за что не хотела поселиться в самых лучших комнатах первого этажа.

Но аббата нельзя было переспорить.

– Я поселюсь наверху, иначе я не буду жить с вами! – решительно сказал он матери и сыну.

– Вы не подумали, моя добрая Женевьева, – сказал он, оставшись с ней вдвоем, – в нашей дружбе нет ничего предосудительного, тем более, что на протяжении пятнадцати лет

никто ее не порицал. Поэтому, нельзя допустить, чтобы после пятнадцати лет, какой-нибудь дурак осмелился бросить в нас грязью. Будем жить не только на одной улице, но даже под одной крышей, когда вы будете жить напротив комнаты вашего сына, это будет вашей охраной от клеветников, а если вы будете ближе ко мне, это развяжет их языки.

– Вы правы, – ответила она, – я не подумала, что это не совсем удобно, если вы будете на втором этаже между мной и Жаком. Я и не подозревала, – добавила она с улыбкой, – чтобы в мои годы... с моей внешностью... могли увидеть во мне больше чем друга... и сестру. Но...

– Но, мой друг, – прервал аббат, улыбаясь, в свою очередь, – есть люди, которые стараются найти дурное там, где его нет!... Где его не может быть!

– Из-за этих людей, вам будет хуже всех, но мне, к сожалению, придется покориться!

На протяжении четырех лет ничто не нарушало спокойствия наших друзей. Ничто не потрясло их счастья!

Они наняли служанку, так как это было необходимо при двух хозяйствах, и были ею очень довольны. Гильомета была британка, немолодая уже, но трудолюбивая, проворная и чистоплотная, хорошо шила и недурно варила.

Аббат заботился о процветании её последнего качества. Он любил хорошую готовку, из-за чего у него сначала и были небольшие прения с Женевьевой Фойоль.

Бесполезно экономная, Женевьева не допускала, чтобы

можно было тратить много денег на изысканные кушанья и старые вина. Она всегда помнила аксиому: «Нужно есть, чтобы пить, а не жить, чтобы есть!..»

Но когда меню обеда, состоявшего из рыбы жареной, курицы, зелени и десерта, ей казалось слишком велико, она тихо ворчала: «Можно обойтись без рыбы».

– Добрая Женестьева, – говорил ей аббат, – я не скрываю, я люблю хороший обед и надеюсь, вы согласитесь об этом позаботиться. У вас три тысячи ливров в год, у меня – шесть тысяч. Отчего же нам не пожить хорошо с этими средствами; так как мы живем вместе, то и расходы у нас должны быть общие. Хороший аппетит не преступление!

– Конечно, не преступление... Но разве не предосудительно чересчур об этом заботиться? Наконец, мне кажется, религия осуждает обжорство! Религия и рассудок порицают обжорство в тех, кто этим злоупотребляет, мой друг. Кто делает из того страсть и жертвует всем: своими собственными интересами, своим здоровьем и своим состоянием! Но мы до этого не дошли, если мы хорошо завтракаем и обедаем, мы не отказываем в помощи несчастным. До сих пор мы не причинили вред ни нашим желудкам, ни нашим карманам! Не огорчайтесь, добрая Женестьева, что после дня, проведенного нами всеми в труде и заботах, у нас будет к обеду курица, рыба и несколько стаканов хорошего вина. Но если вы все-таки видите в этом грех, я беру его на себя!

Этот разговор с аббатом, окончательно убедил Женестье-

ву. Так что с этого времени, она не только не восставала против гастрономических склонностей своего друга, но даже поощряла их. Когда аббат забывал, она уже сама заказывала Гильомете какое-нибудь лакомство и приносила к обеду старого вина.

Все эти четыре года наши три друга прожили совершенно счастливо.

Жак в середине 1718 года, оставил Клода Жилле и стал работать в своей собственной мастерской. По советам Клода Жилле, он занялся пейзажем и два раза в неделю отправлялся в деревню или в лес вблизи Парижа и делал этюды с натуры.

Молодой художник гордился, когда по воскресеньям, в дни отдыха, в домике на набережной Театен, он показывал свои наброски для будущих картин, а аббат хвалил его, как знаток, мать просто верила в его крепнувший талант. Оба предсказывали ему блестящее будущее.

– Ты будешь великим живописцем, Жак! – говорил аббат Морен. – Ты будешь великий живописец!

– Жак! – повторила счастливая Женестьева. – Все будут дорожить твоими произведениями. Твое имя прославится, как имя великого художника. Тебе будут расточать почести. Ты заработаешь много денег.

Женестьева Фойоль, как коренная нормандка, считала, что лучшее следствие славы – деньги.

Жак улыбнулся.

– Да услышит вас Бог! – отвечал он, пожимая им руки. – Я буду великим живописцем! Но кому я буду этим обязан? Вам!... Вам обоим!

– Прежде, всего аббату! – сказала Женевьева. – Скажу откровенно: я сначала не верила в твое призвание. Аббат мне сказал: «мальчик имеет склонность к живописи, надо его определить к живописцу».

– Это правда, я первый понял призвание Жака, – возразил аббат. – Но как мать, моя добрая Женевьева, вы имели полное право отвергнуть мои советы.

– Это было бы не хорошо, если бы я пошла против вас, когда вы были так уверены в его призвании!

– Все-таки Жак должен именно вас благодарить, что вы не помешали ему стать художником.

– Скорее он должен благодарить вас, что вы догадались; что он станет славным художником!

– Я должен благодарить вас обоих! Благодарить, любить и благословлять, как одного, так и другого. Только тогда это будет справедливо! – прервал Жак их спор.

Между обитателями домика на набережной Театен никогда не бывало других споров.

Но в один печальный день, гармония и счастье наших друзей едва не было уничтожено.

Жестокая смерть чуть не разлучила трех друзей.

Это случилось 15 января 1719 года. Накануне вечером Женевьева жаловалась на легкую боль в левом боку и в гру-

ди и кашляла два или три раза.

— Ничего, — сказала она, когда аббат и сын хотели послать за доктором. — Мне было холодно, когда я ходила на рынок с Гильометой, а теперь начинается насморк... В моей комнате затоплен камин, я пойду, лягу и посплю, а завтра мы забудем об этом.

Но Женестьева ошиблась.

Она не могла встать утром, проведя бессонную ночь: кашель усилился, дыхание сделалось трудней, и она совсем ослабла.

Аббат Морин часто слышал, как хвалили доктора, жившего на площади Сент-Андре, брата первого министра регента Венсена Дюбуа.

Жак побежал за ним.

Болезнь продолжалась долго. Напрасно доктор пытался ее приостановить, — она только развилась все сильнее.

Наконец, однажды вечером, доктор радостно сказал Жаку и аббату:

— Ваша мать спасена.

Какая это была радость! Еще несколько минут тому назад они переживали за нее. Несмотря на успокоительные слова доктора, Женестьева Фойоль думала, что ей остается жить недолго и пожелала тайно переговорить с аббатом Морином, чтобы с помощью их доброго и достойного друга ей можно было предстать перед судом Всевышнего.

Выйдя из комнаты больной, аббат заметил на лице Жака

почти печальное удивление, причиненное ему этим долгим и торжественным разговором.

– Ступай, Жак, обними свою мать, – сказал аббат с выражением такого энтузиазма и внутреннего восторга, что молодой человек был поражен. – Да сохранит Господь, твою обожаемую мать!

Но благодаря помощи Бога и доктора Венсена Дюбуа Женевьева была спасена.

Дружба аббата Морина с Женевьевой Фойоль, после её болезни, еще более укрепилась и стала еще нежнее, внимательней.

Часто, очень часто с того дня, когда Женевьева целовала своего сына, аббат мельком глядел на нее и шептал со слезами в голосе.

– Чудная женщина! Чудная женщина!..

– Что случилось? – сказала Гильомета, увидав аббата Морина на пороге дома раньше обычного. – Господин аббат, ведь вы каждый день возвращаетесь в шесть часов вечера!

– Где Жак? – спросил он.

– В своей мастерской, – отвечала Гильомета.

– И Женевьева там?

– Да, господин аббат.

Аббат быстро поднялся по лестнице на второй этаж и тихо открыл дверь в мастерскую. Они не слышали, как он вошел и не заметили его. Аббат несколько секунд смотрел на них. Жак сидел у мольберта и рисовал, а его мать вязала у окна.

Когда его взгляд скользнул с молодого человека на его мать, он тихо прошептал:

– Чудная женщина! Чудная женщина!

Жак поднял глаза.

– Добрый друг! – воскликнул он.

– Господин аббат! – обрадовалась не менее Гильометы Женестьева.

– Да, это я, – сказал аббат, садясь в кресло, подвинутое ему Жаком. – Я сегодня изменил моим профессорским обязанностям ради вашего сына!

– Ради моего сына! – повторила Женестьева.

– Я обещался Жаку оказать небольшую услугу, а что обещано, нужно, исполнять, не правда ли? Итак, я исполнил свое обязательство и надеюсь, что Жак будет мной доволен! Хотя я еще не знаю о решении по делу, но не могу сдержаться, чтобы не рассказать обо всем Жаку. Вы думаете я неправ, Женестьева?

Женестьева ничего не поняла и молчала в ответ.

Жак понял и покраснел от удовольствия.

– Вам удалось, мой добрый друг? – сказал он.

– Да.

– Вы видели?

– Того кого нужно было увидеть. Конечно.

– И?..

– И мне обещали, что она будет завтра или послезавтра представлена на рассмотрение знаменитого светила.

– Какое счастье! Как вы любезны, мой добрый друг, и как я вам очень благодарен.

Жак обнял аббата.

– Вот в чем дело, – сказал Жак, становясь перед матерью на колени, – ты меня простишь, дорогая матушка, поскольку несколько часов у меня была тайна от тебя? Мой добрый друг просил не говорить тебе о важной для меня попытке, чтобы не огорчить тебя, если бы она не удалась. Ты помнишь пейзаж, который тебе так нравится – вид Сен-Клу, от которого еще вчера ты пришла в восторг?

Женевьева утвердительно кивнула головой.

– Да, помню, – ответила она. – Где же эта прелестная картина? Ты ее продал? Господин аббат нашел покупателя?

– Нет еще, – сказал аббат, – но есть надежда.

– Ты слышишь? – возразил Жак, обращаясь к матери, – есть надежда! Угадай, кто покупатель? Угадай!.. Нет, ты не угадаешь, я тебе лучше скажу: его королевское высочество герцог Орлеанский, монсеньор регент. Наш дорогой доктор и друг Венсен Дюбуа передал аббату Морину рекомендательное письмо к аббату Дюбуа, своему брату, первому министру регента. Мой друг отправился сегодня утром на прием, аббат Дюбуа его хорошо принял и обещал показать мою картину его королевскому величеству! Герцог Орлеанский любит живопись. Он ценитель и знаток. Если ему понравится мой «вид Сен-Клу», он, может быть, его купит. Но меня льстит не то, что я получу деньги, а то, что мое имя

станет известно, когда эта картина будет куплена регентом, и у меня появится надежда, что я получу заказы при дворе... Что с тобой, дорогая матушка? Отчего ты так побледнела? Ты дрожишь, у тебя слезы на глазах?.. Что с тобой?

И правда, Женестьева задрожала, когда Жак назвал предполагаемого покупателя, и еще больше разволновалась, когда Жак рассказывал все подробности. Смертельная бледность покрыла её лицо, нервная дрожь пробежала по её телу и глаза наполнились слезами.

Она смотрела на Жака, беспокойно спрашивающего у неё об этом волнении, и не знала, что ему отвечать.

Аббат пришел к ней на помощь.

— А, я понимаю, что это значит, моя добрая Женестьева, — сказал он, наклонясь к ней, — вы испугались, что Жака позовут к регенту... В эту минуту у вас говорит сердце матери. Вы должны радоваться, что вашему сыну, начинающему художнику, открывается такая блестящая дорога. Вы боитесь, чтобы Жаку не повредил воздух, которым дышат в Пале-Рояле, вы страшитесь за неизбежные для него столкновения. Дорогая моя, есть много правды в том, что говорят о регенте, но есть много лжи. Во всяком случае, правда то, что он имеет вкус, этого никто не оспаривает, и он покровительствует искусству. Что же тут дурного, если у нашего Жака будет могущественный покровитель в лице его королевского высочества герцога Орлеанского. Вы боитесь, что его там удержат силой? Умная овечка не позволит волку себя похитить! Она

знает, как вернуться в стадо. К тому же, как ни говорят о воле Филиппе Орлеанском, у него доброе благородное сердце и он может быть великодушен с овечкой. Я вас успокоил, моя добрая Женевьева. Вы не сердитесь на меня, что я способствовал тому, чтобы регент как-нибудь пригласил вашего сына во дворец и сказал бы, протянув ему руку: «У вас есть талант, молодой человек, я позабочусь о вашей будущности». Слезы полились из глаз Женевьевы, но она уже не дрожала, не бледнела и только улыбка играла на её лице.

– Я безумная, аббат, – отвечала она, – простите меня! Все, что вы ни сделаете – хорошо! Дай Бог, чтоб ваши надежды исполнились, и регент стал покровителем Жака!

Едва Женевьева закончила эту фразу, на пороге мастерской явилась Гильомета:

– Сударыня, мадемуазель Эдме стоит внизу и спрашивает: можете ли вы ее принять?

Маленькая торговка и маленький мельник

Эдме – молодая девушка, которую, как аббат Морин рассказывал аббату Дюбуа, Жак Фойоль и граф де Горн, шесть недель тому назад, спасли от нападения воров, когда она возвращалась домой со своей теткой госпожой Леклерк.

Госпожа Леклерк и её племянница, спасенные от воров, горячо благодарили своих избавителей и просили нас как-нибудь зайти к ним в магазин, когда они будут на улице Бок.

Хотя граф де Горн был тронут этими просьбами, но он мало об них думал и на протяжении шести недель заходил к ним пару раз на десять минут.

Жак поступил иначе. На другой же день, после ночного приключения, он отправился узнать о здоровье тетки и племянницы. Они долго разговаривали. Узнав, что молодой живописец живет неподалеку от них на набережной Театен вместе со своей матерью, они просили позволения прийти в воскресенье к Женевьеве Фойоль.

Аббат Морин, которому было известно о приключении, собрал сведения о тетке и племяннице Леклерк. Сведения были удовлетворительными. Госпожа Леклерк была добрая и честная вдова, – она взяла к себе свою сиротку племянницу Эдме, воспитала ее, работая за двоих.

Жак объявил тетке и племяннице, что его мать и его доб-

рый друг аббат Морин ждут их.

Они пришли в следующее воскресенье и затем не пропустили ни одного праздника, чтобы не зайти в гости.

Но Эдме, кроме воскресения, всегда находила предлог уйти из магазина и несколько раз в неделю бывала у Женеьевы.

Недоволен был только пятнадцатилетний крестьянский мальчик Викторин Каше, который всегда провожал Эдме на набережную Театен, в знакомый нам домик и потом ждал ее у дверей.

После ночного приключения, госпожа Леклерк даже днем не пускала свою племянницу одну.

Впрочем, Викторин Каше не сильно жаловался. Ему на улице было веселее, чем в магазине. Он смотрел, как лодки плыли по реке, проезжали кареты, как на набережной гуляли красивые мужчины и дамы, время быстро шло в ожидании Эдме.

На вопрос Гильометы, Женеьева и Жак сказали в один голос:

– Конечно, мы можем принять Эдме.

Аббат ничего не сказал. Он был занят осмотром наброска будущей картины Жака, но успел взглянуть на молодого человека, бросившегося встречать Эдме.

Девушка вошла.

Представьте себе белокурую шестнадцатилетнюю малютку: голубые глаза, прямой носик, пунцовые губки, живая как

птичка, – и перед вами портрет Эдме.

– Здравствуйте, госпожа Фойоль, здравствуйте Жак.

Эдме поцеловала Женевьеву и фамильярно кивнула головкой Жаку, потом с удивлением, почти с ужасом, вскрикнула:

– Господин аббат здесь!

– Да, я здесь, – сказал, аббат Морин, улыбаясь её удивлению. – Разве вас это стесняет?

– О, нет, но...

– Когда Эдме к нам приходит, – сказала Женевьева, – она обычно вас не застаёт.

– Мое замечание было просто шуткой. Я уверен, что не стесняю и не могу стеснить в чем бы то ни было Эдме, когда она бывает у своих друзей. Как здоровье вашей тетушки?

– Очень хорошо, господин аббат. Благодарю вас.

– А ваши дела идут хорошо?

– Да, господин аббат. В особенности вчера, торговля была хороша. Сегодня... я позволила себе прийти... потому что... Я вам скажу, мы получили на этих днях от наших поставщиков из Алансона ящик превосходных кружев!..

– Для продажи?

– Конечно.

– А! Вы продаете и кружева?

– Да, господин аббат. Но я, в особенности, хотела сказать госпоже Фойоль что так как у нас теперь есть много хорошего, я и моя тетушка, мы были бы очень рады, если бы она

приняла от нас маленькое фишю, которое мы ей приготовили. Нравится ли оно вам, госпожа Фойоль? ⁸

– О, дорогое дитя, фишю из алансонских кружев!.. Это слишком дорогой подарок, слишком хорош для меня!

– О, сударыня!

– Отчего же вы не хотите принять, мой друг, когда вам так мило предлагают.

– Дорогая матушка, отчего тебе не принять это фишю!..

Аббат и Жак упростили Женевьеву принять подарок, а Эдме поблагодарила их взглядом.

Первый шаг был сделан, волнение, причиненное маленькой торговке присутствием аббата, рассеялось. Жак, огорченный при виде её замешательства, просиял, заметив на её лице радость.

– Ну хорошо, так как вы все этого желаете, я принимаю подарок, – сказала Женевьева, на которую Эдме уже наде- ла кружевное фишю. – Но с условием, Эдме, чтобы вы тоже приняли подарок не от меня, но от моего сына.

Эдме покраснела, Жак тоже.

Действительно у них были одинаковые мысли.

– Что же вы хотите, чтобы Жак мне, подарил, сударыня? – прошептала молодая девушка.

– Я уверена, что Жак угадает! – ответила Женевьева.

⁸ Фишю – тонкий треугольный или сложенный по диагонали квадратный платок из лёгкой ткани (муслина, батиста) или кружев, прикрывавший шею и декольте.

– Да! Да! Матушка! – воскликнул Жак. – Вы любите картины, Эдме?.. Вместо фишю я вам предлагаю... мы вам предлагаем ту, которая вам, больше всего понравится. Выбирайте.

– Выбирайте! – весело повторяла Женевьева.

– Это нельзя сравнивать с вашими кружевами, – добавил Жак, – но я, по крайней мере, надеюсь, что она будет иметь ценность для вас как память.

– О! – сказала Эдме, – даже маленькая картина стоит всех кружев на свете!

– Всех кружев на свете – это будет, пожалуй, слишком! – сказал, смеясь аббат, – впрочем, произведениями Жака уже нельзя пренебрегать. Его подарок стоит вашего, Эдме.

– В сто раз драгоценнее моего господин аббат! Господа, я в каком затруднении: не знаю, что выбрать из всех этих картин!.. К тому же, я боюсь, что тетушка меня будет бранить.

– Она не будет вас бранить, когда узнает, что вас вынудили взять подарок.

– Правда! Потому что, если бы я не взяла вашей картины, ваша матушка не взяла бы фишю... так нужно... Итак, поскольку вы мне позволили выбирать, Жак?.. Сделать выбор очень трудно: мне нравятся все ваши этюды! Кажется, это так называется: этюды? Но больше всего мне нравится вот этот... потому что мне кажется, что я отдыхала под их зеленью... я видела этот домик под большим дубом... и даже знаю эту козочку, которая щиплет траву на берегу ручья!..

В то время, пока Эдме говорила, Жак снял картину со стены и поставил ее на мольберт.

– Ничего нет необыкновенного, что этот пейзаж вам знаком Эдме, – сказал, он. – Вы гуляли когда-нибудь в лесу Роменвиль, около Парижа?

– Да, да! Я прошлым летом была там два раза с тетушкой.

– Это и есть лес Роменвиль.

– Правда, я не ошиблась, я узнала эти деревья, домик, козу...

– И эти деревья, домик и коза с этой минуты принадлежат вам. Нужно только покрыть лаком, сделать рамку... И вид леса Роменвиль украсит вашу комнату.

– Да, вы еще будете работать над ней! Это долго?

– Нет, успокойтесь! Через неделю картина будет готова.

– Сударыня, Элюа Денизор просит позволения засвидетельствовать вам свое почтение, – сказала Гильомета, появляясь в дверях и прерывая разговор Жака и Эдме.

Жак не мог скрыть своего недовольствия, он не сказал ни слова, только наморщил брови.

Женевьева тоже, кажется, была недовольна этим визитом. Мать вторила эмоциям сына.

Также, как и он, она не сказала ни слова.

– А, наш маленький мельник! – сказал аббат. – Конечно, он может войти! Нам всегда приятно его видеть, не правда ли, Женевьева?

Аббат сказал правду: в домике на набережной Театен все-

гда с удовольствием встречали Элюа Денизора.

Мельник вошел. Элюа Денизор, был никто иной, как ле Борньо.

Видевшие несколько минут тому назад агента полиции, как например, аббат Дюбуа, граф де Борн, маркиза де Парабер, не узнали бы его в переодетом мельнике. Метаморфоза в костюме, движении, походке, в манерах, во внешности была поразительная.

Только по двум чертам можно было судить, как велика разница между тем и другим: ле Борньо был рыжий и одноглазый, а Элюа Денизор с черной шевелюрой и владел обоими глазами хотя в эту минуту скромно опускал их в пол, как подобает молодому крестьянину, когда он является к почтенным лицам. Прежде всего, он поклонился Женевьеве и Эдме.

Потом горячо пожал руки аббату Морину и Жаку.

– Что за дело привело вас к нам сегодня, Элюа? – спросил аббат. – Если не ошибаюсь, вы, кажется, уже были в Париже в начале этого месяца?

– Мне нужно было приехать в начале следующего, – возразил Элюа, – вы не ошибаетесь, господин аббат. Но мельник предполагает, а булочник располагает, особенно, когда не платит денег.

– Да! Да! Да! Понимаю! Вам нужно сыскать неплательщика!

– Да, чтоб он не убежал. На рассвете я выехал из Лимей,

в одиннадцать был в Париже, а в двенадцать – в предместье Сент-Антуан, у нашего должника, от которого, по наставлению отца, я согласовал все условия. От булочника я вышел в час, мне захотелось завтракать, и я зашел поесть... Мы с отцом договорились, что я вернусь на мельницу сегодня же вечером, но так как дилижанс из Парижа едет только вечером, и у меня появилось много свободного времени, то я и зашел засвидетельствовать свое почтение госпоже Фойоль и её сыну. Я не надеялся встретить вас здесь днем и очень рад вас видеть, господин аббат. Теперь скажите мне: не беспокоит ли вас мое посещение?

Эдме, казалось, ожидала конца его фразы и подхватила:

– Мне нужно уходить, я здесь нахожусь, по меньшей мере, целый час.

– Нет, – весело сказал аббат, – по меньшей мере, восемьдесят минут!

– Вы преувеличиваете, мой добрый друг, – сказал Жак, – когда Эдме пришла, была только половина второго...

– А теперь три четверти третьего, – я не сильно ошибся! Я очень доволен, что Эдме осталась у нас сегодня дольше, чем она хотела потому, что мне всегда приятно ее видеть, и потому, что я могу ей представить честного малого, о котором, мы ей уже говорили – Элюа Денизор.

– В самом деле, – сказала Эдме, – ваше имя мне знакомо. Вы тот молодой человек...

– Которого я и Жак имели удовольствие спасти из непри-

ятного положения, – сказал аббат.

– Милостивый государь, – возразила Эдме, подходя к Элюа Денизору, – я рада с вами познакомиться, потому что меня также спасли от большой опасности...

– Только на этот раз без меня! – прервал аббат смеясь. – Это дело Жака.

– Господин Жаком и графом де Горном, – сказал Элюа. – Господин аббат и господин Жак рассказывали мне о вашем приключении, сударыня.

– Так же, как они мне рассказывали о вашем, – возразила Эдме. – Из этого следует, что вы так же, как я, никогда не забудете оказанной нам услуги, и вы не должны удивляться тому, что я рада вас встретить у наших общих благодетелей.

Элюа Денизор поклонился молодой девушке.

– Благодарю вас за ваши добрые слова, – сказал Элюа. – Вы говорите, что вам рассказали о моём приключении? Я не думаю, чтобы вам рассказали все, что сделали для меня в этом доме. Позвольте мне рассказать вам, чем я обязан господину аббату, господину Жаку и госпоже Фойоль.

Между тремя названными лицами послышалось недовольство, когда они услышали предложение Денизора.

– Вы шутите, – сказал аббат, – Элюа, вы не можете задержать Эдме, рассказывая ей то, о чем она и так хорошо знает, как и вы!

– Мне бы хотелось послушать, – сказала она. – Наш мальчик подождет дольше обыкновенного и, может быть, те-

тушка меня выберит. Но расскажите, расскажите! Я слушаю вас...

— И так, сударыня, — начал Элюа, — это было семь месяцев тому назад, в конце февраля. Мой отец — мельник из Лимея, прелестной деревушки, близ Манто, — послал меня в Париж, следить за процессом, который у нас был с родными. Однажды вечером я возвращался из оперы и шел через Пон-Рояль, по набережной к особняку, где я жил, как вдруг перед этим домом, какой-то человек, вор должно быть, схватил меня за шиворот.

Я не трус и не слабак: я бы освободился от этого человека, если бы он, не сжал мне горло левой рукой и не ударил меня правой по голове, так что я упал без сознания. Падая, я вскрикнул. Этот крик услышал аббат, который, к счастью еще не лег спать. Он открыл окно и, увидав меня неподвижно лежащим на набережной, разбудил господин Жака и они оба пришли ко мне на помощь. Эта помощь мне была необходима, иначе я не увидал бы больше ни отца, ни моей деревни. Не то, чтоб моя рана была опасна, — удары по голове заживают быстро, но в феврале было холодно, и я истекал кровью. Провалившись всю ночь на мостовой, я не знаю в каком состоянии, я был утром! Короче, сударыня, благодаря аббату и господин Жаку, нападение этого вора-убийцы прошло для меня без трагических последствий, напротив, оно дало мне радость ощутить незнакомое до тех пор для меня чувство признательности, которая угаснет только с моим по-

следним вздохом. Вы даже не можете себе представить, какой заботой меня окружили в этом доме на протяжении двух недель... Позвали хорошего доктора, Венсена Дюбуа. Мне был нужен покой. Опасности не было, но болел я мучительно. Мне устроили постель, вот здесь у печки. Около меня всегда были господин аббат, Жак или госпожа Фойоль. Мне давали оздоровительные напитки, а когда я стал поправляться, мне приносили бульон. Я никогда не забуду тех разговоров, когда я был маленьким: моя мать и деревенский священник говорили мне о Боге, что Ему нужно молиться и бояться Его. Но вы научили меня большему, любить Его всеми силами!..

Элюа Денизор с глубоким волнением произнес последние слова. Это волнение передалось всем слушателям. Глаза Женевьевы и Эдме наполнились слезами, а аббат и Жак улыбались сквозь слезы.

– Я закончил, сударыня, – возразил Денизор, обращаясь к Эдме. – Теперь вы хорошо понимаете, что я обязан госпоже Фойоль, господин аббату и господин Жаку...

– Но Эдме уже знает о ваших чувствах к нам, и вы, Элюа, будьте великодушны к ней – ее и так будут бранить, что она долго гостит у нас.

– Не задерживайте ее! – сказал аббат.

Эдме распростилась и ушла вместе с Женевьевой, которая выразила желание проводить ее.

Оставшиеся несколько минут молчали, как это случается

часто после длинного разговора... все думали про себя.

Жак чистил кисть, аббат смотрел в окно. А Элюа Денизор рассеянно смотрел на картину, назначенную для Эдме.

– О! – невольно вырвалось у маленького мельника. – Это же лес Роменвиль.

– Да, – отвечал Жак, – лес Роменвиль. Вы знаете этот лес, Элюа?

– У вас есть покупатели в Роменвиле? – весело спросил аббат.

Элюа отрицательно покачал головой.

– Нет, – возразил он, может быть рассердившись, что не прикусил себе язык перед этим восклицанием, – нет, я никого не знаю в лесу Роменвиль, но во время моего пребывания в Париже, два года тому назад, однажды, в воскресенье я ходил туда с двоюродным братом, который живет в предместье Тампль.

– И после одной единственной прогулки по лесу вы его так хорошо запомнили? – сказал аббат. – Это делает честь вашей памяти!

Элюа ничего не ответил на этот комплимент.

– Как хороша живопись! – сказал он со вздохом, переводя взгляд от леса Роменвиль на другие картины.

– Вы хотели бы быть живописцем Элюа? – спросил Жак.

– Конечно, если бы я мог выбирать, я бы выбрал то, чем вы занимаетесь, а не то, чем я теперь занимаюсь.

– Не все же могут стать художниками, – сказал аббат. –

Но ваше ремесло тоже полезное, благодаря ему тоже можно зарабатывать на жизнь, когда, умеешь и хочешь работать. К тому же, вы ни в чем не можете упрекнуть вашу семью, Элюа. Для сына деревенского жителя, вы получили очень хорошее образование. Вы хорошо выражаетесь и пишете не дурно... Я видел.

– Да, как сын крестьянина, я, может знаю больше чем вообще знают мои собратья, но, к сожалению, это еще не значит, что я много знаю.

Разговаривая с аббатом, Элюа продолжал рассматривать наброски и этюды...

– Господин Жак, где маленькая картина... вы помните, на которой вы работали, когда я у вас был в последний раз?

– Вид Сен-Клу?

– Да, вид Сен-Клу. Как он хорош!

– Вот потому, что я того же мнения об этой картине, потому что вид Сен-Клу лучшее произведение Жака, я унес ее сегодня утром из мастерской и она может никогда сюда не вернется.

– Вы ее продали?

– Дело еще не закончено, но мы надеемся, что случится, как мы планируем. Нам нечего бояться мой друг, что вы будете смеяться над нами, что мы продаем шкуру медведя, не убив его, поэтому я вам все расскажу: его королевское высочество, герцог Орлеанский, регент, Франции, известен своей любовью к искусствам и снисходительностью к худож-

никам. Говорят, в Пале-Рояль у него роскошная галерея, почти вся составленная на его собственные средства и состоит из произведений французских и иностранных живописцев. Поэтому, мы считаем, как и вы, Элюа, что вид «Сен-Клу» очень хорош, я подумал, что эта замечательная картина может занять достойное место в галерее его королевского высочества, герцога Орлеанского.

– Вы знаете, что доктор Венсен Дюбуа, брат аббата, Дюбуа, первого министра регента. Я просил доктора дать мне рекомендательное письмо, и он исполнил мою просьбу. Сегодня утром я совершил удачную попытку и не пошел на уроки, потому вы меня и застали дома. В одиннадцать часов я был в Пале-Рояль, где аббат Дюбуа, меня принял и любезно обещал доказать картину его высочеству, герцогу Орлеанскому. Мы надеемся, что регент ее купит.

– Я буду утешаться мыслью, что ею любуются более достойные и что она сделает честь тому, кто ее нарисовал.

Элюа Денизор говорил очень искренне и радостно, обернувшись к Жаку. Но под внешностью Элюа Денизора еще больше радовался ле Борнье, узнавший откуда Дюбуа стало известно о дружбе графа де Горна с его соседом.

Но Элюа Денизор пришел к своим друзьям не для того, чтоб узнать то, о чем он уже давно догадывался по своей природной сметливости.

– Первый, министр, регента, аббат Дюбуа был с вами любезен господин аббат? – спросил Элюа Денизор, с самым ис-

кренним удивлением.

– Очень любезен, – возразил, смеясь аббат Морин.

– Говорят, это редко случается.

– Вот потому я ему еще больше за это благодарен! – сказал аббат.

– Будете ли вы уверены, в любезности аббата Дюбуа, когда узнаете, что он желает организовать неприятности... человеку, которого вы оба любите?

– Если мы узнаем, что аббат Дюбуа планирует неприятности... человеку, которого мы любим? – медленно повторил Морин. – Что вы хотите сказать, Элюа? Объясните.

– Объясните, Элюа! – настаивал Жак.

Маленький, мельник все еще колебался.

– Господи! – сказал он. – Может быть, это только одни предположения, но тот, кто это говорил, не шутил. Его слова меня поразили так, что я непременно хотел их передать господину Жаку, на всякий случай... Поскольку я не предполагал встретить вас сегодня дома, господин аббат.

– И так, как вы нас встретили обоих, мой друг, расскажите о том, что вы нам хотели сказать. В чем дело? Что это за человек, которого мы любим... и которому аббат Дюбуа желает зла?

– Этот человек... Вы интересуетесь графом Антуаном де Горном, не правда ли господа?

– Да, да! – нетерпеливо сказали Жак и аббат. – Что же дальше? Эта человек, ненавистен аббату Дюбуа, – граф Ан-

туан де Горн. Бедный молодой человек должен остерегаться ненависти монсеньора регента, которого он оскорбил!

Жак пожал плечами.

– Это безумие, – удивился он. – Граф де Горн оскорбил регента! Но он нам говорил, помните, мой добрый друг, что с тех пор, как он в Париже, он видел регента только один раз!

– Одного выстрела довольно, чтоб убить! – многозначительно заметил Элюа. – Врага можно нажить за пять минут.

– Безумие! Глупости! – говорю вам. Так же, как ненависть аббата Дюбуа к графу! И откуда эта ненависть?

– Элюа нам все сообщит, рассказав то, что он слышал, не будем ему мешать бесполезными расспросами и возражениями, так как мы еще не знаем в чем дело, – сказал аббат, успокаивая Жака.

– Говорите, Элюа, – продолжал аббат, – мы вас слушаем, мой друг. Но, сначала скажите, где вы слыхали то, что вы говорили о графе де Горне.

– В небольшом трактире, в предместье Сен-Антуан, господин аббат. Я вам уже сказал, что, выйдя из булочной, я был голоден и зашел в первый попавшийся трактир и...

– И в этом трактире...

– Случай посадил меня рядом с двумя лицами, разговор которых возбудил мое внимание.

– К какому классу принадлежали эти люди?

– К какому... господин аббат, я не парижанин, и потому, согласитесь, мне трудно с первого взгляда различить, кто

к какому классу принадлежит. Как мне кажется, один был клерк у нотариуса, а другой, который много говорил, – полицейский или солдат.

– Рассказывайте, я вас больше не буду ни спрашивать, ни прерывать!

– Войдя в трактир, – продолжил свой рассказ Денизор Жаку и аббату, – я разместился за столом, напротив сидевших уже там клерка и полицейского. Они завершали завтракать, а я только начинал. Около них стояло пять или шесть пустых бутылок. Или они много выпили, или им показалось, что я занят своим завтраком, или моя внешность не беспокоила их, только мое присутствие их не стесняло, и они продолжали громко разговаривать. Вначале я и не обращал на них внимания. Клерк нотариуса обратился к своему товарищу:

– А я все-таки утверждаю, невозможно, чтобы дворянин... принц, если он имеет право носить этот титул, потому что принадлежит к знаменитой фамилии в Брабанте, говорю тебе, невозможно, чтобы граф де Горн мог бояться мести такого неудавшегося священника, как аббат Дюбуа!

При этом хорошо знакомом для вас имени, я насторожил уши и стал слушать, как ответит полицейский:

– Ты ошибаешься, когда аббат Дюбуа кого-нибудь ненавидит – знатного вельможу, принца, или простого смертного, – тот уже может писать своим праотцам. Ты забываешь, что этот «неудавшийся священник», как ты называешь аббата Дюбуа, – первый министр, а у первого министра длинные

руки.

– Что же граф де Горн сделал аббату Дюбуа?

– Этого я не знаю, и даже не стараюсь узнать, потому что иногда очень опасно быть любопытным! Я знаю только то, что за графом де Горном следят – и будет беда, если найдут хоть малейший предлог, для обвинения! ... Он недолго останется в Париже!

– Ты тоже следишь за ним?

– Нет! У меня другая обязанность: я слежу за его любовницей, маркизой Парабер.

– Какое отношение имеет к делу маркиза де Парабер? Разве она тоже в немилости у аббата Дюбуа?

– Лично у аббата – нет, но она замешана в другом деле, между графом де Горном и монсеньором регентом. И регенту досталось! Как можно быть таким неосторожным, как граф де Горн!.. Едва он появился в Париж, как уже стал на ножах с регентом! Хочешь знать мое мнение, мой милый? Если бы я был другом графа де Горна, я бы не колебался ни минуты и сказал бы ему, «собирайте ваши пожитки и отправляйтесь скорее в Филадельфию, чтобы вам не пришлось опять попасть в старый замок де Верт, из которого вы так ловко выбрались. А если нет, доверьте вашу душу Богу, потому что раньше, чем через полгода, аббат Дюбуа уже это решил, а регент не будет противиться, – вы умрете, вас убьют на казнь за преступление, которое вы не совершали!»

В то время, когда Элюа рассказывал, а аббат Морин и Жак

внимательно слушали, внизу послышался голос, от которого они вздрогнули все трое.

– Не беспокойтесь, добрая мадам Женестьева! Не беспокойся Гильомета! Они наверху, я сам доложу о себе, послышался знакомый голос.

– Это он! – сказал аббат Морин, быстро вставая.

– Кто он? – спросил Элюа, тоже вставая.

– Граф Антуан де Горн! – отвечал Жак.

– Неужели! – возразил Элюа. – Я буду иметь удовольствие его видеть.

– Его видеть. Да! Но! Но...

– Но ни слова о моем рассказе.

– Конечно, аббат! Вы можете этим воспользоваться, как хотите! Но я!.. уже четыре часа, мне немного времени осталось до отъезда. Прощайте, господин аббат, прощайте, господин Жак.

– Прощайте, Элюа!

– Прощайте, мой милый!

– Вы не сердитесь на меня за то, что я вам рассказал?

– Напротив, мы вас благодарим! Тем лучше. Я теперь спокоен!

Граф Антуан де Горн улыбаясь вошел в мастерскую. Жак встал к нему навстречу.

Элюа Денизор почтительно поклонился новоприбывшему, который кивнул ему головой, и в то время, как граф здоровался, он вышел в открытую дверь и исчез.

В лесу Роменвиль

Конечно, весело смотреть, как плывут лодки по реке, как едут кареты нарядных дам и кавалеров!..

Но все надоедает. Поэтому и Викторьену Каше надоело поджидать Эдме, которая, казалось, забыла о его существовании. Надежда блеснула в голове мальчика, когда он увидел, что в дом, где засиделась Эдме, увидел как вошел Элюа Денизор. Клины клином вышибают. Может быть, посетитель выпроводит посетительницу.

– Маленькая хозяйка сейчас уже выйдет, – сказал себе провожатый.

Успокоившись от этой мысли, он начал ходить взад и вперед, перед домом, посматривая на прохожих.

– Не хотите ли пирожков, милый мальчик? – вдруг обратился к Викторьену Каше проходивший мимо продавец пирожков.

Викторьен печально улыбнулся. Он с удовольствием бы съел десяток пирожков, но...

– Благодарю вас! – ответил он.

– Вы не хотите?

– Нет!

– Почему? Вы их не любите?

– Напротив, я их очень люблю!

– Тогда отчего?..

Викторьен красноречивым жестом ударил рукой по пустому карману.

Продавец пирожков весело покачал головой. У этого человека было очень хитрое лицо. Он был молодым, высоким и худым, а на бледном лице красовался красный как мак нос.

– За этим дело не станет! – сказал он. – Кушайте, мой милый!

– Да!.. Вы мне даете в кредит?

– Без сомнения! Мы как-нибудь встретимся, у вас будут деньги, и вы мне заплатите. Вот и все!.. Вы честный малый и конечно...

– Они очень хороши?

– Превосходны.

– Кушайте, кушайте, ведь вы не можете съесть на сто тысяч франков? Я думаю, вы будете сыты, когда съедите на десять или двенадцать су.

– Я с вами согласен. Хе-хе-хе! Хорошо! Ах, как хорошо! Но и хорошо бы выпить, а то трудно всухомятку.

– Правда, без этого мои пирожки не такие вкусные. К тому же, знаете, когда люди мне нравятся, я не только не жалею для них десятка пирожков, но готов им предложить стакан вина. Если хотите, пойдемте со мной?

– Нет, нет! Нельзя! Вы очень любезны, но мне нельзя уйти отсюда.

– Почему?

– Потому что я жду одну барышню, которая в том доме.

– Ха-ха-ха! Барышню?.. Мой милый, вы так молоды, а уже ухаживаете!..

Щеки Викторьена Каше стали красными, как нос его собеседника.

– Вовсе нет! – сказал он. – Вы не поняли. Барышня, которую я жду, племянница моей хозяйки, госпожа Леклерк, у которой я служу уже больше месяца.

– Хорошо, хорошо! Простите, если я подумал. К тому же, ведь это не преступление, не правда ли? Который вам год?

– На пасху мне будет пятнадцать.

– Ну, я вам скажу, часто встречается, что сердце начинает говорить и в пятнадцать лет. Но дело не в любви. Вы служите в магазине госпожи Леклерк, а теперь вы ждете её племянницу, которая понесла товар в этот дом?..

– Нет, племянница госпожи Леклерк сюда ходит в гости, потому что, надо вам сказать, я слышал, как они говорили между собой об этой истории, и...

– Так как она вам показалась интересной вы ее и запомнили?

– Да. Кажется, сын госпожи Фойоль, которая живет в этом доме, однажды вечером спас госпожу Леклерк и её племянницу от нападения воров, остановивших их на улице.

– В самом деле! Расскажите, пожалуйста! Негодяи и воры напали на двух бедных женщин! Без сомнения, это люди из шайки Картуша! Эти разбойники никого не уважают! Что же дальше?

– С тех пор, как госпожа Леклерк и её племянница обязаны Жаку своим освобождением, они мало-помалу сблизились с его матерью.

– Вполне естественно!

– Каждое воскресенье госпожа Леклерк с племянницей по несколько часов проводит у госпожи Фойоль и её сына, который, говорят, талантливый живописец.

– Жак Фойоль живописец?

– Да. Я забыл, что с Жаком и его матерью живет их старый друг аббат Морин. Прекрасный аббат, как говорит племянница госпожи Леклерк.

– Хорошо, хорошо! Я понял! Госпоже Леклерк и её племяннице правится общество хороших людей, живущих в этом доме. А так как племянница не довольствуется видеть их только по воскресеньям, то она приходит к ним еще и среди недели?

– Да.

– А так как госпожа Леклерк после ночного приключения боится отпускать свою племянницу одну, то она велела вам ее провожать?

– Да. Я ее ожидаю у дверей.

– Кушая пирожки.

– Кушая пирожки!.. На протяжении целого месяца, я в первый раз ем пирожки и только благодаря вам. Теперь вы можете закрыть ящик, мне достаточно, я съел дюжину пирожков и должен вам шесть су. Не беспокойтесь, я вам их

отдам! Мне обещали, что с первого октября я буду получать пятнадцать ливров в месяц. И я никогда не буду без гроша в кармане как теперь!

— Да, да! Не беспокоитесь! Вы можете оплатить ваш долг, через месяц, через два... мне все равно. Еще вопрос. Вы хорошо знаете всех жителей этого дома и наверно знаете, кто тут бывает. Кто сейчас туда вошел?

— Маленький господин, одетый весь в серое.

— Да.

— Который пришел от Пале-Рояль?

— Да.

Викторьен Каше отрицательно покачал головой.

— Нет, — отвечал он, — я не знаю этого маленького господина. А вы его знаете? Вы, кажется, его узнали?

Продавец пирожков тоже покачал головой.

— Нет! — возразил он. — Я вас спросил потому, что... А вот и ваша барышня выходит! До свидания!

Сказав это и не ожидая благодарности в ответ, продавец пирожков быстро удалился.

Почти напротив дома Жака Фойоля стояла маленькая тележка, брошенная своим хозяином, который, должно быть, сидел где-нибудь в трактире.

Продавец пирожков встал, спрятавшись за этой тележкой, и рассеянно следил за племянницей госпожи Леклерк, удалявшейся вместе с Викторьеном Каше. Когда молодая девушка и мальчик скрылись, он стал пристально рассматри-

вать дом на противоположной стороне улицы. Целый час наблюдатель не уходил со своего места.

Дверь дома не открывалась.

Наконец на часах ближайшей церкви пробило четыре часа, из соседнего особняка вышел молодой человек высокого роста и вошел в этот дом...

Как только молодой человек вошел в дом, дверь почти тотчас же снова открылась и оттуда вышел Элюа Денизор, при виде которого продавец пирожков радостно вскрикнул, что доказывало, что он солгал Викторьену Каше, сказав, что не знаком с «маленьким господином в сером».

– Это он! Я не ошибся! Это он!

Продавец пирожков смог хорошенько рассмотреть маленького мельника, так как он остановился посреди мостовой и посматривал вправо и влево, как бы, не решаясь куда идти.

Это колебание продолжалось не больше десяти секунд.

Наконец, Элюа Денизор двинулся вправо, на набережную Конти.

Он уже прошел шагов пятьдесят, как вдруг быстро повернулся и в один прыжок очутился около тележки.

Продавец пирожков, не предвидевший подобного маневра, высунул голову и хотел снова спрятаться, но было уже поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.